

«По следам исчезнувшего леса»

Мацуда-сенсей

Акико Мацуда

По следам исчезнувшего леса

«Автор»

2026

Мацуда А.

По следам исчезнувшего леса / А. Мацуда — «Автор», 2026

Акэми просыпается в альтернативном мире — и сразу попадает в неприятности. Он оказывается в месте, где магия — привычное дело, споры решают на мечах, а «монстры» являются частью экосистемы. Но сам Акэми не ощущает в себе ни искры дара, ни намёка на избранность — и это удивляет его куда сильнее, чем чужая земля. Постепенно он узнаёт о Сильваране — лесе, который — исчез, будто его стёрли из самой ткани мира и оставили только ужасающую пустыню. Герой невольно становится частью большой тайны, когда на его пути начинают появляться знаки, понятные лишь посвящённым. Это история о поиске, где каждый новый след — одновременно и надежда, и тяжёлое напоминание о том, что было потеряно.

© Мацуда А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая. Тяжёлое утро	5
Глава вторая. Зелёная Марка и половник новичка	10
Глава третья. Когда лезвие спотыкается	14
Глава четвёртая. Рутинa под звон ключей Дариана	18
Глава пятая. Популярность имеет цену	24
Глава шестая. Выйти навстречу буре	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Акико Мацуда

По следам исчезнувшего леса

Глава первая. Тяжёлое утро

— Какого ты тут развалился?!

Сквозь вязкую пелену сна до меня долетел резкий, надрывный крик. Звук ворвался в сознание довольно грубо. На долю секунды всё стало привычно и до боли знакомо: вот сейчас отец снова обрушится с упрёками, голос будет звенеть от напряжения, а в воздухе повиснет тяжёлое, колющее раздражение, какое всегда возникало в моменты ссоры из-за того, что я долго сплю.

«Опять не так, опять всё не то...» — эти слова уже почти сформировались в мыслях, готовые привычно кольнуть изнутри, но тут я распахнул глаза — и реальность обрушилась на меня ледяной волной, смывая остатки сна.

Я лежал на жёсткой, сбитой в комки соломе, укрытый тонким, выцветшим одеялом, которое пахло пылью и сыростью. Комната была тесной, с низким потолком и стенами из грубого камня, между плитами которого темнели глубокие швы, забитые мхом. В воздухе витал запах старой древесины, дыма и чего-то незнакомого. В дверном проёме, заслоняя собой свет, стоял мужчина — плотный, коренастый, с лицом, изборождённым морщинами, будто он всю жизнь хмурился. Его взгляд метался по комнате, а голос, громкий и хриплый, снова и снова выплёскивал короткие, рубленые фразы. Рядом с ним толпились ещё несколько человек — усталые, в потрёпанных дорожных плащах, с мешками за плечами. Они переглядывались, перешёптывались, бросали на меня короткие, насторожённые взгляды.

— Да чтоб тебя! — рявкнул мужчина, резко шагнув вперёд. — Эта комната была пуста! Я думал, тут никого нет! А ты лежишь, будто так и надо!

Я попытался приподняться, но тело отозвалось неприятной слабостью, а в голове зашумело так, словно я слишком резко встал после долгого сна.

— Я... я не понимаю, — пробормотал я, чувствуя, как от волнения пересохло в горле. — Я просто...

— Не понимаешь?! — мужчина почти зарычал, его лицо побагровело. — Ты занимаешь место, которое оплачено другими! Убирайся! Сейчас же!

Один из толпы что-то буркнул себе под нос, другой нервно дёрнул плечом, будто хотел отстраниться от этой сцены. Я на секунду поймал чей-то сочувственный взгляд, но тот тут же потух, спрятанный за опущенными ресницами. В этом чужом, холодном мире никто не собирался за меня вступаться, и это было нормально.

Мужчина не стал ждать, пока я соберусь с мыслями. Он стремительно приблизился, схватил меня за грудки и рывком поднял на ноги. Мир перед глазами качнулся, стены поплыли, а в ушах зазвенело.

— Эй, полегче! — попытался возразить я, но слова потонули в новом потоке брани.

— Полегче?! Да я тебя сейчас... — мужчина не закончил фразу. Вместо этого он буквально подтащил меня к окну, распахнул ставни и одним резким движением вытолкнул наружу.

Падение длилось всего мгновение, но оно растянулось в бесконечность. Ветер хлестнул по лицу, в груди застыл колющий ком страха, а земля стремительно приближалась. Я успел только зажмуриться и сгруппироваться, прежде чем тело врезалось в мягкую, но немного колючую и пружинящую кучу соломы. Удар отозвался болью в плечах и бёдрах, но, к счастью, ничего не хрустнуло.

«Цел», — мелькнуло в голове, и эта мысль на секунду принесла странное, нелепое облегчение.

Не теряя ни секунды, я вскочил на ноги, стряхивая с одежды сухие стебли. Вокруг шумел город. Узкие улочки, вымощенные тёмным камнем, поднимались вверх, к центру, где возвышались шпили храма и, кажется, башни городских ворот. Дома лепились друг к другу, словно боялись рассыпаться, их стены были покрыты пятнами сырости и мха, а крыши — черепицей, потемневшей от времени. Воздух пах дымом, влажной землёй и чем-то сладковатым, что я никак не мог опознать.

Сердце колотилось где-то у самого горла, а мысли метались, как испуганные птицы. «Что происходит? Где я сейчас? Это какой-то розыгрыш? Сон?» — вопросы роились в голове, но ни на один из них не находилось ответа.

«Может я просто опять замечтался, — подумал я, кусая губу. — Может, я сейчас проснусь в своей кровати, а родители будут сидеть на кухне...»

Но реальность была слишком грубой, слишком осязаемой, чтобы быть сном. Камень под ногами был холодным и шершавым, а солома всё ещё цеплялась за одежду.

«У меня, конечно, были почти реальные сны... но... похоже, сейчас я не сплю, и боль тому доказательство»

Я огляделся, пытаюсь сориентироваться. Улица была полупустой — лишь изредка мимо проходили люди в простых, грубых одеждах, с корзинами и свёртками в руках. Никто практически не обращал на меня внимания. Похоже, для этого города я был просто ещё одним чужаком, очередной тенью, мелькнувшей в переулке.

«Надо уходить, туда, где спокойней», — решил я, и ноги сами понесли меня вперёд, от этого странного места, которое, похоже, было постоянным двором, где я оказался не по своей воле.

Я бежал, не разбирая дороги, петляя по узким улочкам, пока впереди не показались городские ворота — массивные, окованные железом, с гербом над аркой: солнце, расправляющее лучи во все стороны. Стражники лениво переговаривались, не обращая внимания на одинокого парня, который, задыхаясь, проскользнул мимо них и оказался за пределами города.

— Кажется тут небольшой лесок, особо глубоко заходить не буду, мало ли кто здесь обитает...

Я вышел на поляну в лесу, опёрся руками о колени, пытаюсь отдышаться, и поднял глаза к небу. Оно было таким же, как и дома — голубым, с редкими белыми облаками, плывущими неторопливо, будто никуда не торопясь. Но что-то в нём было не так. Может, оттенок был чуть ярче, может, облака двигались чуть иначе — я не мог точно сказать, но это «чуть» делало небо чужим.

«Параллельный мир», — вдруг всплыло в памяти знакомое слово, и от него по спине пробежал холодок. Я невольно усмехнулся, но в этом смехе не было веселья — только горькая ирония.

— Я столько раз читал про попаданцев и смотрел аниме, где герои оказывались в других мирах, и вот теперь сам стал одним из них, — иронизируя, пошутил я. — Только вот пока что всё совсем не так захватывающе, как описано в книгах.

Я задумался и начал осматриваться:

— Та-а-ак... А что у меня вообще есть из вещей? Только одежда и всё?.. Ах, точно, я же заснул вчера вечером, пока читал мангу. А сегодня, должен был идти на выпускной... Хотя-я-я, фиг с ним, я всё равно туда не хотел. Только бы знать как там сейчас родители и не умер ли я...

Но сейчас было не время раскисать:

— Ладно, не будем о плохом, надо как-то адаптироваться под ситуацию... Благо жил я у леса... и про параллельные миры из книг немного знаю... Ну-с, начнём!

Я решил перейти к практическим опытам:

— Так, может у меня есть какая-нибудь способность? Что-то, что поможет выжить...

— подумал я, сжимая кулаки и вглядываясь в собственные ладони, ожидая увидеть на них мерцание магии или хотя бы странную метку.

— Система, мне нужна подсказка! — прокричал я, проводя эксперимент.

...

— Так... кажется это не работает, тогда может, попробую почувствовать энергию мира — ману? Как там это делали?..

Я попробовал сосредоточиться, как видел в разных историях: закрыл глаза, задержал дыхание и... Ничего. Только тишина и ровный стук собственного сердца.

— Может у меня недюжинная сила или сверх быстрые реакции? — решил не отчаиваться я. — Хотя я так запыхался пока бежал сюда... Ну, была ни была!

Я резко выбросил руку вперёд, будто выпуская невидимый удар — тот самый, от которого расходятся волны воздуха и листья срываются с веток. Но лес даже не шелохнулся. Ни вспышки света, ни порыва ветра — только птицы продолжали беззаботно щебетать, словно потешаясь над моими попытками. Но это в какой-то мере придавало мне уверенности:

— Похоже, опасности поблизости нет, иначе бы лес затих, хотя может быть тут всё иначе...

— Ладно... — пробормотал я, хмурясь. — Может, что-то другое работает.

Я попробовал принять стойку: чуть присел, выставил руки, напряг мышцы, пытаюсь поймать тот самый момент, когда сила будто собирается в кончиках пальцев. В голове промелькнули кадры: быстрые удары, чёткие движения, эффектные развороты. Я сделал резкий выпад вперёд, одновременно пытаюсь крутануться в полуобороте — как в сценах, где герой одним движением раскидывает толпу врагов.

И тут же нелепо зацепился носком за торчащий из земли корень. Мир на мгновение поплыл перед глазами. Я взмахнул руками, пытаюсь удержать равновесие, но инерция сделала своё дело.

— О-о-ох!

Я рухнул на траву, неудачно подмяв под себя локоть.

— Ай-яй! — вырвалось у меня, когда острая, колючая боль прошла руку. Я сел, потирая ушибленное место и чувствуя, как к щекам приливает жар от смущения. — Ну, отлично. Вместо «суперудара» — получен «навык» падение.

Я огляделся, проверяя, не видел ли кто этого позора. Но вокруг по-прежнему никого не было — только лес, равнодушный, спокойный и явно не воспринимавший меня как угрозу.

— Неужели совсем ничего нет?.. Не начнутся же у меня какие-нибудь циклы смерти?..

Я тихо вздохнул, встряхнул головой, прогоняя остатки нелепой бравады, и снова посмотрел на свои руки. Теперь они казались самыми обычными: с мелкими царапинами, чуть загрубевшей кожей от привычных кухонных дел, без намёка на скрытую силу.

В этот момент желудок предательски заурчал, напоминая о том, что я ничего не ел с самого утра — или, скорее всего, со вчерашнего вечера. Голод заглушил остатки надежды на чудо и стёр даже неловкость от падения.

Я огляделся в поисках хоть чего-то съедобного. В траве неподалёку росли какие-то ягоды — тёмно-синие, блестящие, похожие на чернику, но чуть крупнее. Они выглядели аппетитно, и голод оказался сильнее осторожности.

— *Не надо!*

Я сорвал горсть ягод и, не раздумывая, отправил их в рот. Вкус был странным — сладковатым, с горьковатым послевкусием, которое неприятно оседало на языке. Но голод был сильнее, и я съел всё, что успел сорвать.

Но уже через несколько минут я почувствовал, что что-то не так. Голова закружилась, перед глазами поплыли тёмные пятна, а желудок сжался в тугой, болезненный узел. Меня затошнило, и я едва успел отползти в сторону, прежде чем содержимое желудка вырвало.

«Ядовитые», — запоздало понял я.

Мир вокруг потемнел, звуки стали глухими, будто доносились сквозь толщу воды, а ноги подкосились. Последнее, что я запомнил, — то, как упал на мягкую, прохладную траву, а небо надо мной медленно вращалось, теряя очертания.

«Умер?» — подумал я, открывая глаза.

Но, похоже, это было не так. Я лежал уже не на траве, а на узкой, жёсткой кровати, укрытый тёплым шерстяным одеялом. Комната была светлой, с высокими окнами, через которые лился мягкий дневной свет. Пахло травами, воском и чем-то терпким, похожим на ладан. У изголовья стояла простая деревянная тумбочка, а рядом с ней — небольшой кувшин и стакан.

В дверном проёме стояла девушка — невысокая, с короткой стрижкой каре и волосами фиолетового оттенка, и внимательными, чуть прищуренными глазами янтарно-медового цвета. На ней было тёмно-синее платье-мундир с белыми вставками и тонкими золотыми линиями вдоль швов, на голове — аккуратная синяя шапочка с символом солнца, который я видел над воротами. Она смотрела на меня спокойно, но в её взгляде читалась и настороженность, будто она пыталась рассмотреть во мне что-то важное.

— Ты наконец-то очнулся, — сказала она, подходя ближе. Голос у неё был ровный, но без лишних эмоций. — Как ты себя чувствуешь?

Я хотел ответить, но голос не слушался. Затем сглотнул, пытаясь смочить пересохшее горло, и выдавил:

— Голова кружится... и живот болит.

— Это от ягод Волчника, — спокойно пояснила девушка. — Они ядовиты для людей и все местные знают, что их нельзя есть. Тебя случайно нашли на опушке и принесли сюда — в одну из церквей Культа Светоносного Пути. Меня зовут Рин.

— Ал... Акэми... Меня зовут Акэми, — выпалил я первое, которое пришло на ум имя. — «Если уж и начинать новую жизнь, то с чистого листа»

Она кивнула и сделала паузу, внимательно наблюдая за моей реакцией, словно ждала, что я скажу что-то ещё.

— Где я? — наконец решил спросить я. — Что это за место?

— Ты в Эфириусе, — ответила Рин, слегка наклонив голову. — А если точнее — в одном из районов Терралина. Но вот откуда ты пришёл... этого я не знаю. Ты не похож на местных. Твоя речь, твоя одежда, даже то, как ты двигаешься — всё это выдаёт в тебе чужака.

Я хотел объяснить, сказать, что я из другого мира, что вообще не понимаю, как здесь оказался, но слова застряли в горле. Говорить, о другом мире, иногда бывает очень опасно, поэтому я просто покачал головой и почувствовал, как на глаза наворачиваются слёзы — не от боли, а от бессилия и одиночества.

— Я не враг, — тихо произнёс я, глядя Рин прямо в глаза. — Я правда не знаю, как сюда попал. Я просто... проснулся в той комнате, а потом меня вышвырнули.

Рин не спешила верить. Её взгляд оставался настороженным, почти холодным, но в нём мелькнуло что-то похожее на сочувствие.

— В последнее время в Терралине беспокойно, — сказала она, скрестив руки на груди. — Морнтар усиливает своё влияние, и мы не можем позволить себе доверять каждому незнакомцу. Ты утверждаешь, что не враг, но у тебя нет ни документов, ни рекомендаций, ни даже люмена в кармане. Как я должна тебе верить?

Я сжал кулаки, чувствуя, как внутри закипает отчаяние, но Рин была права.

— Потому что это правда! — воскликнул я, приподнимаясь на локтях. — Я не знаю ни про какой Морнтар, не знаю, кто вы такие и что здесь происходит. Я просто хочу есть, хочу понять, что со мной случилось, и, если получится... найти способ вернуться домой.

Рин молчала, обдумывая мои слова. Её лицо оставалось непроницаемым, но в глазах мелькнуло что-то, похожее на решение.

— Допустим, я тебе верю, — наконец произнесла она. — Но это не значит, что я могу просто отпустить тебя на все четыре стороны. Здесь чужакам без знаний будет нелегко. Без денег, без связей, без работы ты либо попадёшь в лапы к бандитам, либо тебя убьют монстры, либо ты просто умрёшь с голоду.

Я опустил глаза, чувствуя, как надежда медленно тает. Я понимал: Рин права. Я здесь ничего не знаю, и никто не обязан мне помогать.

— Но... — продолжила Рин, и в её голосе прозвучали новые нотки, чуть мягче, чем раньше, — у нас в церкви всегда не хватает рук. Особенно на кухне. Мы помогаем людям и готовим еду для беженцев из Сильварана и для тех, кто остался без крова. Если ты умеешь что-то делать — скажи.

На мгновение у меня в груди вспыхнула искра надежды, кажется четыре года учёбы в техникуме, могут пригодиться.

— Я умею готовить, — быстро ответил я, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. — Не скажу, что я шеф-повар, но... я много помогал дома на кухне и обучался на повара. Знаю, как обращаться с ножом, как рассчитать порции, как сделать так, чтобы простая еда была вкусной.

Рин чуть приподняла бровь, будто оценивая мои слова.

— Хорошо, — кивнула она. — Тогда ты будешь помогать на кухне. Это не роскошная жизнь, но ты получишь кров и еду, а со временем, возможно, сможешь разобраться, что делать дальше.

Я выдохнул, и только теперь понял, что всё это время задерживал дыхание. Напряжение, сковывавшее плечи, немного отступило, и на смену ему пришло странное, смешанное чувство — облегчение и страх перед неизвестностью.

— Спасибо, — тихо сказал я, глядя на Рин. — Я не подведу.

Рин слегка улыбнулась — едва заметно, но эта улыбка была настоящей, не натянутой.

— Посмотрим, — ответила она. — А пока отдыхай. Завтра начнётся твоя новая жизнь.

И с этими словами она вышла из комнаты, оставив меня наедине с моими мыслями, с этим чужим, но теперь чуть менее враждебным миром и с надеждой, что, возможно, всё не так безнадежно, как оказалось сначала.

Глава вторая. Зелёная Марка и половник новичка

Рин появилась у двери ровно на рассвете — будто сама заря позвала её раньше всех. В коридоре ещё висела прохладная полутьма, а в воздухе кружились едва заметные пылинки, подсвеченные первыми лучами, пробившимися сквозь узкие окна. Акэми, который только-только стряхнул с себя остатки тяжёлого, беспокойного сна, вздрогнул от лёгкого стука в дверь и тут же сел на кровати, чувствуя, как по спине пробегает холодок утреннего воздуха.

— Вставай, — голос Рин звучал не грубо, но твёрдо, без лишних эмоций. — Время не ждёт. Если хочешь, есть и спать под крышей, придётся работать.

Акэми кивнул, не находя слов. В груди всё ещё ворочалось странное чувство — смесь тревоги и неловкости, будто он стоял на краю чего-то огромного и не знал, куда шагнуть.

— Сейчас оденусь, — пробормотал он, натягивая ту простую одежду, которую ему оставили накануне: грубую льняную рубашу, штаны из плотной ткани и мягкие кожаные туфли без лишних украшений. Всё это пахло мылом и сушёными травами — непривычно, но не отталкивающе.

Рин молча кивнула и отошла к окну, глядя, как город медленно просыпается. Где-то внизу уже слышались голоса, скрип тележных колёс и далёкий перезвон колоколов — не такой, как дома, а более низкий, густой, будто каждый удар отдавался не только в воздухе, но и в самой земле.

— Идём, — сказала она, когда Акэми, наконец, был готов. — Покажу, где ты будешь работать. И заодно расскажу, что тут к чему. Не хочу, чтобы ты снова попал в неприятности из-за того, что чего-то не знаешь.

Они вышли в коридор — узкий, с низкими потолками и стенами, сложенными из тёсого камня. Пахло воском, старым деревом и чем-то пряным, похожим на корицу. Лестница вела вниз, в просторную, гулкую кухню, но прежде чем спуститься, Рин остановилась на площадке и повернулась к Акэми.

— Слушай внимательно, — начала она, понизив голос, будто боялась, что стены могут подслушивать. — Ты сейчас в Терралине, на континенте Тенсус. Это не просто кусок земли — это место, где сталкиваются интересы шести государств, и каждый шаг здесь может иметь цену.

Акэми сглотнул, стараясь удержать в голове каждое слово.

— Континент Тенсус опоясывает Финдар — грандиозные каскады водопадов, низвергающиеся с высокогорных плато, — продолжала Рин, глядя куда-то вдаль, будто видела перед собой не каменные стены, а бескрайние просторы. — Их грохот слышен за дни пути, а вековая завеса тумана скрывает край мира. Пересечь их невозможно: все попытки оборачиваются гибелью или бесследным исчезновением караванов. В народе шепчут, что за ними живут древние духи воды, не пускающие чужаков, а моряки Фельмара считают течение к водопадам приговором.

«Духи воды... — мысленно повторил Акэми, пытаясь уложить это в голове. — А вдруг меня не просто так сюда занесло? Вдруг я тот самый герой, которого призвали, чтобы разобратся с этими духами? Но тогда почему у меня до сих пор ни одной суперсилы?»

— А эти духи... — тихо спросил он, пока не решаясь поднять глаза. — Они... нападают на всех подряд, или только на тех, кто пытается пересечь водопады?

Рин чуть склонила голову, будто оценивая вопрос.

— Никто не знает наверняка, — ответила она. — Те, кто пытался выяснить, не вернулись. Поэтому и говорят: Финдар — не граница, а стена.

Она сделала короткую паузу, проверяя, успевает ли Акэми за её словами.

— Континент Тенсус разделён на шесть государств, — продолжила она. — В самом центре — Люменария, «Сердце Света». Это лицо нашего мира: широкие светлые улицы, звон

колоколов, культ дисциплины и гармонии. Там правит лорд Ваэлин Солмир, а над всем культом возвышается Архиепископ Каэлус Драйвен — глава Культа Светоносного Пути. Наша доктрина: «Свет сдерживает Тьму, но не стирает её полностью, иначе мир теряет устойчивость».

«Архиепископ... культ... — Акэми мысленно спотыкался о каждое слово. — Если бы я был избранным, разве мне не дали бы хотя бы краткий справочник? Или геройство — это когда ты просто выживаешь, пока тебе всё объясняют по кусочкам?»

— Получается, Люменария вроде как главный центр всего этого мира? — спросил он, стараясь звучать спокойно, хотя внутри всё сжималось от обилия новой информации.

— Да, — кивнула Рин. — Именно оттуда исходят основные законы и договоры, которые признают почти все государства. Но не все с ними согласны.

— К западу от Люменарии лежит Морнтар — «Край Мрака», — голос Рин стал тише, будто она боялась, что само упоминание этого места может привлечь беду. — Владения Владыки Тьмы, Каина Велтора. Это проклятое место, где не действует воля Культа. Окружённый Чёрными Утёсами и Туманными Топями, он почти недоступен: магнитные руды в болотах сводят компасы с ума, а густые туманы скрывают тропы. Говорят, что тьма там живая — она шепчет в ущельях и заставляет тени двигаться сами по себе.

Акэми невольно поёжился, представив себе эти места.

«Владыка Тьмы... живые тени... — пронеслось у него в голове. — Звучит как финальный босс. А я сегодня буду готовить. Может, магия просто не просыпается, пока я не возьму в руки что-то более серьёзное, чем нож? Или... может, я вообще не герой, а просто парень, которому нужно выжить?»

— А как вообще с ним борются? — тихо спросил Акэми. — Если он такой опасный, почему его до сих пор не остановили?

— Потому что никто не может туда добраться, — коротко ответила Рин, и в её голосе прозвучала усталость, будто она уже не раз отвечала на этот вопрос и не верила в хорошие ответы. — А те, кто пытался, либо не возвращались, либо возвращались... не совсем собой.

Она помолчала, снова давая Акэми время переварить услышанное.

— К северу от Люменарии — Сильваран, — снова заговорила Рин, и в её голосе послышалась горечь. — Когда-то его называли «Изумрудной Пеленой» — леса были такими густыми, что солнечный свет едва касался земли. Теперь это Мёртвый Лес. Западные и центральные леса окаменели, превратившись в сухие, белёсые стволы, похожие на кости. Зоны скверны, где природа мутирует: лианы хватают путников, а вода показывает призрачные тени погибших. Это последствия тёмных ритуалов Каина Велтора.

«Мёртвый лес... мутации... — Акэми пытался представить себе эти картины, и они никак не хотели складываться в единую картину. — Если это всё правда, то мир куда опаснее, чем кажется. И если меня действительно призвали как героя, то я пока справляюсь с этим званием... никак».

— А в Сильваране ещё кто-то живёт? — спросил он. — Или это теперь просто... мёртвая земля?

— Живут, — сухо ответила Рин. — Эльфарион — граница близ Фельмара: Единственный уцелевший фрагмент Сильварана. Он держится благодаря «Корневым стенам» — колоссальным живым барьерам из древних деревьев, которые старейшины успели вырастить на оставшейся территории. Но даже эта защита истончается под напором скверны.

И дальше она рассказала про Вулканарию и про Архипелаг Фельмар, а Акэми кивал, стараясь не потерять ни слова, но в голове у него всё равно крутилась одна и та же мысль: «Я должен быть кем-то большим. Должен. Просто пока не понял, кем именно».

— И наконец, — Рин посмотрела прямо на Акэми, — Терралин, где мы сейчас. «Зелёная Марка». Умеренный край, без испепеляющего жара и мёртвых пустынь. Здесь мягкий климат, смешанные леса и спокойные реки. Но на границе с Вулканарией — Приграничье, высокие

горы, где обитают виверны. Путь по суше там опасен. Терралин — буферное государство и тренировочный плацдарм для новичков. Почти в каждом городе есть тренировочные лагеря Гильдии Авантюристов, которая выдаёт контракты: сопроводить повозку, собрать лекарственные растения или сразаться с различными монстрами.

Акэми хотел было спросить про Гильдию, но Рин предупреждающе подняла руку.

— Не сейчас, — сказала она твёрдо. — Гильдия — не место для тех, кто не знает ничего о мире. А ты пока можешь держать только половник. Сначала научись стоять на ногах здесь.

Он опустил взгляд, чувствуя, как щёки слегка теплеют от смущения.

— А деньги? — тихо спросил он. — Как тут платят?

— Валюта Тенсуса — люмены, — ответила Рин. — Монеты из сплава серебра и лунного металла, который добывают в шахтах Вулканарии. Они лёгкие, но прочные, и на каждой выбит символ Солнца — знак Культа. Но пока тебе не о чём беспокоиться: ты будешь трудиться за кров и еду. Если покажешь себя с лучшей стороны, возможно, получишь небольшое вознаграждение.

С этими словами она кивнула в сторону лестницы, и они, наконец, спустились на кухню.

Там уже кипела жизнь. Огромные печи дышали жаром, над котлами поднимался густой пар, а в воздухе витал запах пряностей, жареного мяса и свежей выпечки. Повара в белых фартуках сновали между столами, отдавая короткие, чёткие команды, а помощники резали овощи, месили тесто и разливали бульоны по кастрюлям.

— Вот, — сказала Рин, подводя Акэми к высокому, широкоплечему мужчине с обветренным лицом и густыми седыми бровями. — Это главный повар Орин. Он отвечает за всё, что выходит из этой кухни.

Орин оторвался от огромного котла, в котором что-то бурлило, и окинул Акэми пристальным взглядом — таким, будто мог с ходу определить, сколько в человеке лени и сколько усердия.

— Новичок? — пробасил он, вытирая руки о фартук. Голос у него был низкий, раскатыстый, как грохот телеги по булыжной мостовой.

— Да, — кивнула Рин. — Его зовут Акэми. Умеет готовить. Пока будет помогать здесь.

Орин хмыкнул, будто не слишком верил в это «умеет», но спорить не стал.

— Ладно, — буркнул он. — Пусть начнёт с простого. Пусть почистит овощи и нарежет зелень. Потом посмотрим, на что годится.

Он махнул рукой в сторону длинного деревянного стола, заваленного корзинами с продуктами. Акэми подошёл ближе и замер, разглядывая содержимое. Всё выглядело знакомо, но названия были немного другими. Круглые красные плоды, которые он сразу узнал как помидоры, здесь называли «кровавица». Огурцы, продолговатые и блестящие, значились как «хрустик». Рядом лежали пучки трав с незнакомыми названиями, корзины со знакомыми корнеплодами и связки сушёных грибов, от которых шёл пряный, чуть дымный аромат.

«Странно, — мелькнуло у него в голове, пока он брал в руки нож и начинал чистить кровавицу. — Всё вроде бы то же самое, но мир будто перевернул привычные вещи и дал им новые имена. Как будто я смотрю на старый дом через мутное стекло: очертания те же, но детали уже другие. И если это всё — часть какого-то великого плана, то почему он начинается с чистки овощей?»

Он работал молча, стараясь не отвлекаться на шум кухни и на любопытные взгляды помощников. Нож скользил по коже, ломтики падали на доску ровными, одинаковыми кусочками, а мысли кружились вокруг всего, что рассказала Рин. Шесть государств, водопады, которые нельзя пересечь, мёртвые леса, настоящие драконы и договоры, скреплённые солью и пеной... Это звучало как сказка, но теперь это была его реальность.

«Может, геройство — это не про сражения и суперсилы, — думал он, аккуратно срезая кожуру. — Может, оно начинается с того, чтобы просто не подвести тех, кто тебе доверился. Или... может, мне просто нужно подождать, пока силы проснутся. Но сколько можно ждать?».

Время тянулось медленно, но уверенно. Пот стекал по вискам, фартук потемнел от брызг и сока овощей, а руки постепенно привыкали к ритму работы. Иногда Орин подходил, молча наблюдал, кивал или коротко указывал на ошибку, но в целом не мешал.

Когда Акэми закончил с нарезкой, Орин подошёл к столу, взял одну из досок и несколько секунд рассматривал ломтики.

— Ровно режешь, — неожиданно пробасил он, и в этом коротком замечании прозвучало больше одобрения, чем в любой длинной похвале. — И не торопиться. Это хорошо. На кухне спешка — враг.

Акэми почувствовал, как внутри что-то тихо радуется этому скупому признанию.

— Теперь бери большой половник, — Орин кивнул на висящий, на крюке инструмент, — и иди к котлу с овощным бульоном. Будешь мешать — не давай оседать овощам на дно. И следи, чтобы не пригорело: если запахнет гарью, придётся выливать всё и начинать заново. А продукты тут не бесконечные.

Акэми кивнул и поспешил к котлу, стараясь скрыть дрожь в руках. Теперь у него было настоящее задание — не просто нарезать, а отвечать за целую кастрюлю.

К полудню Акэми уже помогал раскладывать порции по мискам. Еда предназначалась беженцам из Сильварана и простым нищим, и каждый раз, когда он видел, как чьи-то дрожащие руки берут горячую миску, в груди становилось теплее.

«Может, это и не геройство, — думал он, разливая очередную порцию. — Но это что-то настоящее. Это помогает людям. И, может быть, это поможет мне остаться здесь, пока я не пойму, что делать дальше. Или пока не пойму, герой я вообще или просто парень с половником».

Когда солнце уже клонилось к закату, а кухня начала понемногу затихать, Рин снова появилась в дверях. На этот раз она выглядела чуть менее строгой, а в глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение.

— Ты неплохо справился, — сказала она, подходя к Акэми и оглядывая его перепачканный фартук. — Орин редко хвалит новичков, а сегодня он сказал, что ты не путался под ногами и делал всё, что велели.

Акэми почувствовал, как внутри разливается тихое, почти незаметное тепло.

— Спасибо, — выдохнул он, опуская плечи, только теперь осознавая, как сильно они напрягались весь день.

— Это видно, — кивнула Рин. — Пока ты будешь трудиться за кров и еду, но если продолжишь в том же духе, мы сможем подумать о небольшом вознаграждении. Люмены пригодятся, если ты захочешь когда-нибудь отправиться дальше.

Акэми хотел спросить, куда именно «дальше», но не стал. Сейчас ему хватало и этого: крыши над головой, работы, которая не казалась бессмысленной, и человека, который хоть немного ему доверял.

— Пойдём, — сказала Рин, слегка улынувшись. — Сейчас помоешься, поужинаешь тем, что сам приготовил, и отдохнёшь. Завтра будет новый день.

И они вышли из кухни, оставив за спиной жар печей, запах пряностей и гул голосов, который теперь казался не враждебным, а почти родным.

Глава третья. Когда лезвие спотыкается

Дни складывались в рутину, и эта рутину понемногу становилась моей опорой. Я вставал с первыми лучами, когда город ещё дышал прохладой, а улицы пахли мокрой брусчаткой и печным дымом. Спускался на кухню, где уже гудели печи, и снова брался за нож, за доску, за кастрюли — за всё, что под руку попадалось. Орин не любил лишних слов, но я чувствовал его взгляд: тяжёлый, внимательный, будто он всё время проверял, не сорвусь ли я, не стану ли мешкать. И я старался не мешкать.

Но было коечто странное. Я начал часто резать пальцы. Не потому, что забывал, как держать нож, и не потому, что уставал. Наоборот — я помнил все движения до мелочей, делал их так, как привык дома, в той жизни, где готовил для семьи и думал, что это просто привычка, способ не думать о жизни после конца учёбы. А здесь, в Эфириусе, эти же самые движения будто спотыкались о воздух. Нож скользил не туда, лезвие будто цеплялось за невидимую шероховатость, и тонкая красная линия появлялась на коже.

Однажды я не выдержал и попросил Орина провести со мной эксперимент. Мы взяли два одинаковых ножа, две одинаковые доски, два куска «хрустика» — тех самых огурцов, что здесь так странно называли. Он показал мне, как ставит руку, как ведёт лезвие, как чуть наклоняет клинок, чтобы срез был ровным. Я повторил всё в точности. И всё равно порезался.

— Странно, — пробормотал Орин, хмуря густые седые брови. — Ты делаешь всё правильно. Я сам вижу. Но будто мир не хочет, чтобы у тебя получалось.

Я не знал, что на это сказать. Мир не хочет? Звучало как бред. Но другого объяснения у меня не было.

В один из вечеров, когда кухня, наконец, затихла, я сидел на низкой табуретке у стены, сжимая ладонь, из которой снова сочилась кровь. Рин вошла бесшумно, как всегда, с той самой кожаной сумкой, набитой бинтами и склянками. Она опустилась рядом, достала чистую ткань и, не говоря ни слова, принялась промывать порез.

Я не выдержал тишины.

— Рин, а то, что я видел на кухне... когда над фитилём вспыхивает свет, когда печи загораются сами — это ведь магия?

Она чуть приподняла брови, будто удивилась, что я только сейчас об этом спросил.

— Да, Акэми. Это магия. Самая обычная, бытовая. Тут её используют, чтобы зажигать огни, греть воду, иногда — чтобы ускорить сушку трав. Ничего особенного.

— В нашем мире семь стихий, — продолжила она, аккуратно разматывая старый бинт. — Пламя — это огонь во всех его формах. Стужа — лёд и холод, способные заморозить даже дыхание. Поток — вода и исцеление. Вихрь — ветер и скорость. Грунт — земля и камни, из которых можно лепить големов. Шторм — молнии и паралич. Природа — растения и почва, которые можно заставить расти по воле заклинателя.

Она говорила спокойно, будто перечисляла специи для супа, но каждое слово падало в голову, как камешек в тихий пруд, и от него расходились круги.

— Но магия — не игрушка, — продолжала она, поднимая на меня взгляд. — Есть места, где она искажается. Сильваран, Мёртвый Лес — там Скверна меняет саму суть силы. Монстры мутируют, становятся сильнее и безумнее. Люди теряют контроль, заклинания идут не туда. А возле Финдара, этих гигантских водопадов, магия и вовсе рассеивается. Это естественный барьер, который не даёт использовать силу, чтобы прорваться за пределы континента.

— А ты... ты можешь использовать магию?

Рин кивнула, аккуратно накладывая на рану слой желтоватой мази, пахнувшей полыньёю и чемто терпким.

— Я владею стихией Потока. Как и большинство служителей нашей церкви. Создание воды, исцеление, контроль жидкостей — это наше.

Я невольно покосился на её руки — тонкие, уверенные, будто каждая мышца знала, куда двигаться.

— Тогда... почему ты не исцеляешь меня магией? Разве это не быстрее?

Рин на секунду замерла, а потом снова принялась за дело, туго, но не больно, наматывая бинт.

— Магия — не панацея. Особенно Поток. Да, мы можем ускорять заживление, останавливать кровь, вытягивать яд. Но делаем это только при серьёзных травмах. Магия оставляет след в теле, меняет его чуть-чуть, и если прибегать к ней по мелочам, можно навредить больше, чем помочь. Поэтому мы стараемся обходиться без неё там, где можно просто перевязать рану и дать телу самому справиться.

Я кивнул, хотя внутри всё ещё шевелилось странное чувство — будто мне предлагали что-то огромное, а я отказывался от ложки воды.

Рин рассказала мне и про Академию Элементарных Исследований в Эфириусе. Это был научный центр Терралина, место, где учёные пытались понять магию не через молитвы, а через расчёты и опыты. Именно они первыми заметили, что Скверна в Сильваране — не просто стихийное бедствие, а нечто направленное, будто созданное с помощью магических устройств.

— Если хочешь узнать о магии больше, — сказала она, завязывая узел на повязке, — тебе стоит пойти туда. Но не сейчас. Сначала научись стоять на ногах здесь.

— Ты говоришь про Академию Элементарных Исследований... Помимо исследований там учат магии?

— Да. Там изучают магию как науку: фиксируют эффекты, строят формулы, ищут закономерности. Но если говорить именно об обучении владению стихиями — для Потока есть своё место. Владельцы этой стихии обычно проходят обучение в Соборе Вечного Рассвета в Люменарии. Там традиции и дисциплина идут рука об руку с силой.

Пока она говорила, я смотрел на свои руки — обычные, чуть загрубевшие от работы, с новыми бинтами поверх старых шрамов. И думал: «А есть ли во мне вообще хоть капля магии? Я не чувствую ничего. Ни тепла, ни холода, ни странного покалывания, о котором пишут в фэнтези. Просто... я. Акэми. Парень, который режет пальцы на чужой кухне».

Через несколько дней, когда я уже почти закончил мыть котлы, Рин появилась в дверях кухни. Она перекинулась парой слов с Орином — коротко, поделовому, будто они годами понимали друг друга без лишних фраз. Потом она кивнула в мою сторону.

— Орин, мне нужен Акэми на закупку. Пусть идёт со мной. Научится, где брать лучшее, и заодно поможет донести ящики.

Орин хмыкнул, будто это было само собой разумеющимся, и махнул рукой — мол, иди.

— Только чтобы к ужину был здесь, — бросил он, не поднимая глаз от разделочной доски. — И чтобы без глупостей.

На улице Эфириус раскрывался совсем другим. Узкие улочки, вымощенные тёмным камнем, поднимались вверх, к центру города, где над крышами домов виднелись шпили и купола. Воздух был густ от запахов: пряностей, свежей выпечки, горячего хлеба, кожи и металла. Гдето рядом стучали молоты, гдето кричали торговцы, зазывая покупателей.

По мостовой неторопливо двигались странные существа — огромные, похожие на клубящиеся белые облака с большими чёрными рогами и длинными белыми хвостами. Они тянули за собой тяжёлые деревянные повозки, нагруженные мешками и ящиками, и шли так спокойно, будто весь город существовал лишь для того, чтобы не мешать их размеренному шагу.

— Это облачные рога, — объяснила Рин. — Их выращивают специально для перевозки грузов.

Я смотрел на них и думал, что в этом мире даже обычные вещи выглядят как чудо.

— Они почти не устают, — тихо сказала Рин, заметив, как я засмотрелся на одного из них. — Сила у них не в мышцах, а в самой природе — будто сама земля помогает им нести груз.

Мы шли по рынку, тут было шумно и тесно, люди толкались у прилавков, дварфы громко торговались, зверолюди в капюшонах старались держаться в тени, а эльфы скользили между толпой почти незаметно. Рин вела меня от лавки к лавке, представляя меня владельцам, будто хотела, чтобы меня здесь знали.

У травника пахло сушёными цветами и горькими корнями; хозяин, дварф с густой бородой, кивал Рин и записывал в толстую тетрадь наши заказы. В мясной лавке мужчина в фартуке молча взвешивал куски мяса. В лавке специй эльфийка с тонкими пальцами отмеряла порошки в маленькие бумажные кульки, её движения были почти незаметны, как дуновение ветра.

Я слушал, запоминал, старался не отставать и не путаться под ногами. И впервые почувствовал, что становлюсь частью этого места — не просто гостем, которого терпят, а кемто, кто нужен.

Когда мы возвращались, тяжёлые ящики давили на плечи, но я не жаловался. Рин шла рядом, чуть впереди, уверенно лавируя между людьми, и я ловил себя на мысли, что хочу быть таким же — спокойным, знающим, тем, кому доверяют.

На кухне был ещё один человек, которого я не мог не замечать. Мужчина средних лет, крепкий, с широкими плечами и внимательными серыми глазами. Он приносил ящики с продуктами, ставил их у дверей, иногда задерживался, чтобы перекинуться парой слов с Орином, а потом уходил. Но каждый раз, когда он уходил, я ловил на себе его пристальный взгляд. Он смотрел не враждебно, но так, будто пытался что-то во мне разглядеть — как будто я был загадкой, которую он хотел разгадать.

В конце концов, я не выдержал и спросил Рин о нём.

— Это Торвин Марс, — ответила она, не поднимая глаз от бинта. — Раньше был известным авантюристом. Много где побывал, много кого спас. Потом решил, что хватит бегать по лесам и горам, и стал помогать здесь, в церкви. Хороший человек. Надёжный.

— А почему он на меня так смотрит? — не удержался я.

Рин чуть пожала плечами.

— Наверное, видит в тебе что-то, чего не вижу я. Или просто присматривается. Торвин редко интересуется кем-то просто так.

Позже Торвин сам подошёл ко мне. Это случилось после одного из походов по городу за покупками вместе с Рин. Когда мы вернулись, Торвин ждал у дверей кухни. Он стоял, опершись плечом о косяк, и смотрел на меня спокойно, без спешки.

— Слыхал, ты неплохо управляешься с ножом, — сказал он, чуть наклонив голову. — Но это на кухне. А как насчёт меча?

Я замер. В голове тут же закружились образы: мечи, рассекающие воздух, вспышки стали, стремительные движения, как в аниме. «Я мог бы быть могущественным магом, — пронеслось в мыслях, — швырять молнии, поднимать стены из камня или устраивать грандиозные взрывы. Или метким лучником, который поражает цель с сотни шагов. Но больше всего мне всегда нравились мечники. Особенно японские самураи из манги — их спокойствие перед боем, их точность, их честь. Больше всего мне нравился мечник по прозвищу «Маримо».

— Я... никогда не держал меч, — признался я, чувствуя, как внутри всё дрожит от волнения и страха. — Но хотел бы научиться.

Торвин кивнул, будто именно этого и ждал.

— Тогда я могу тебя научить, — сказал он. — Если найдёшь время.

Тут вмешалась Рин. Она скрестила руки на груди и посмотрела на Торвина так, будто он предложил мне прыгнуть с крыши.

— Ему некогда, — твёрдо сказала она. — У него работа. Церковь нуждается в его помощи.

— Я буду работать усерднее, — выпалил я, сам удивляясь собственной смелости. — Я справлюсь. Если у меня будет свободное время, я хочу тренироваться. Пожалуйста.

Рин нахмурилась, и на мгновение мне показалось, что она сейчас просто развернётся и уйдёт, оставив меня одного разбираться с этим всем. Но потом она вздохнула, будто смиряясь с неизбежным.

— Ладно, — процедила она. — Я завалю тебя работой. Если справишься — подумаю о том, чтобы разрешить тебе тренировки на территории церкви. Но не жди поблажек.

Торвин усмехнулся, и в этой усмешке было что-то ободряющее.

— Я приду за тобой, когда будешь готов, — сказал он. — Не торопись. Мечу не нужны торопливые руки. Ему нужна воля.

И с этими словами он ушёл, оставив меня стоять посреди кухни, с пересохшим горлом и сердцем, которое колотилось так, будто хотело вырваться наружу.

С того дня моя жизнь стала ещё плотнее. Рин действительно давала мне больше дел: не только помогать на кухне, но и ходить по городу, закупать продукты, носить тяжёлые ящики, помогать местным, кто нуждался в простой человеческой помощи. Я бегал по улицам, вдыхал запахи Эфириуса, смотрел на людей, dwarфов, звероловцев и эльфов, на облачных рогатых, которые тянули повозки, и понемногу начинал чувствовать, что этот город — не просто место, куда меня выбросило. Он становился моим.

А по вечерам, когда я снова сидел напротив Рин, и она снова перевязывала мои порезы, я думал о мече, о тренировках с Торвином и о том, что, возможно, здесь, в этом странном, чужом мире, я смогу стать кем-то другим. Не просто парнем, который должен был пойти на выпускной, а человеком, который держит в руках не только нож для нарезки овощей, но и меч, способный защитить тех, кто ему дорог.

«Я справлюсь», — повторял я про себя, глядя, как Рин аккуратно завязывает узел на повязке. — «Я обязательно справлюсь».

Глава четвёртая. Рутина под звон ключей Дариана

Две недели пролетели так быстро, что я едва успевал замечать, как один день перетекает в другой. Рин, как и обещала, накидала мне столько дел, что иногда по утрам я открывал глаза и на секунду забывал, за что хвататься первым — за нож, за корзину для рынка или за метлу, чтобы подмести двор. Но странно: вместо того чтобы чувствовать себя загнанным, я ловил себя на мысли, что мне это даже нравится. В этой бесконечной суете не оставалось места для тоски по дому, для мыслей о выпускном, который я так и не увидел.

Рин определила меня к одному из координаторов церкви, кто разбирал задания от Гильдии Авантюристов. Его звали Дариан Кельн — невысокий, худощавый мужчина с внимательными глазами и привычкой всё записывать в потрёпанную кожаную тетрадь. Он носил на поясе связку ключей, которые позвякивали при каждом шаге, и пах дымом и пергаментом.

— В Гильдии полно заданий, которые никому не нужны, — объяснял он мне в первый день, водя пальцем по строчкам в тетради. — Ну, знаешь, такие, где не надо лезть в логово дракона. Найти сбежавшего питомца, помочь со сбором урожая, отнести письмо через весь город, когда курьер заболел. Авантюристы считают это ниже своего достоинства. А для церкви — это помощь людям и хоть какие-то деньги на содержание. Мы берём половину оплаты: половина идёт добровольцу, половина — на нужды храма.

Я не выдержал и спросил:

— Дариан, а как вообще церковь держится? Ну, я понимаю про задания из гильдии, но ведь этого явно мало. На что вы всё это содержите — храм, помощь людям, лечение раненых?

Дариан на секунду замер, потом поднял на меня глаза и чуть улыбнулся — не насмешливо, а так, будто ему приятно, что я задумался над этим. Он захлопнул тетрадь, оперся ладонями о стол и заговорил уже не торопясь, будто раскладывал всё по полочкам:

— Хороший вопрос, Акэми. Не все об этом думают, а зря. В первую очередь мы живём за счёт части городских налогов. Они поступают в Главный собор в Люменарии, а оттуда распределяются между храмами по нуждам: кому-то больше на лекарства, кому-то на еду для бедняков, кому-то — на восстановление после пожаров или обвалов. Это основа. Потом идут пожертвования от людей: кто монету кинет, кто мешок муки принесёт, кто старую одежду, которая ещё послужит. И, конечно, эти самые «ненужные» поручения из гильдии.

Я кивнул, чувствуя, как в голове понемногу складывается картина: не просто «церковь помогает», а целая система, где каждая мелочь имеет значение.

— А если вдруг распределение задержится или пожертвований станет меньше?

— Тогда приходится выкручиваться, — спокойно ответил Дариан. — Сокращать траты, искать дополнительные поручения, договариваться с торговцами о скидках. Но пока держимся. Главное — не терять связь с городом. Если люди видят, что мы рядом, они и помогают охотнее.

Он снова открыл тетрадь, пробежался взглядом по строкам и протянул мне свёрнутый пергамент:

— Вот, это от пекаря с восточной улицы. У него сломалась тележка, а завтра нужно везти хлеб на ярмарку. Поможешь ему дотащить мешки до лавки? Плата небольшая, но он обещал дать пару буханок в благодарность.

Я взял пергамент, улыбнулся:

— Конечно. Хоть и не битва с драконом, а кому-то очень нужно.

Дариан хмыкнул, кивнул и снова уткнулся в записи, а я вышел во двор, чувствуя, что теперь понимаю чуть больше, чем раньше.

Так я и стал добровольцем. И задания были самые разные.

Однажды меня послали помочь старушке на окраине города собрать яблоки в саду. Сад был запущенный, деревья разрослись, ветки клонились к земле, а плоды падали и гнили в

траве. Старушка, госпожа Лира, была хрупкой, с седыми волосами, собранными в небрежный пучок, и руками, покрытыми сеткой морщин. Она смотрела на меня с такой надеждой, что я не мог отказать.

— Спасибо, сынок, — шептала она, пока я лазил по деревьям и сбрасывал яблоки в корзины. — В этом году столько плодов, а мне одной не справиться. Да и спина уже не та.

Мы собрали три полные корзины. Яблоки были мелкие, но ароматные, с лёгкой кислинкой. Госпожа Лира угостила меня одним, и я ел его прямо там, в саду, чувствуя, как усталость уходит, а на душе становится теплее. За это задание мне дали десять люменов — и половину из них я отдал церкви. Но даже оставшиеся пять казались мне целым состоянием.

В другой раз меня попросили найти пропавшего кота. Хозяйка, молодая девушка по имени Эми, чуть не плакала, рассказывая, как кот по имени Уголёк исчез два дня назад.

— Он такой любопытный, — всхлипывала она. — Всё время лезет туда, куда не надо.

Я обошёл соседние дворы, заглянул под крыльца, постучал по заборам и звал: «Уголёк! Уголёк!» И наконец, нашёл его — в заброшенном сарае, где он устроился на куче старых тряпок и смотрел на меня с таким видом, будто это я был виноват, что его потеряли.

Когда я принёс его Эми, она бросилась обнимать меня, а потом сунула в руки пирог с ягодами и ещё пять люменов. Я пытался отказаться, но Эми вложила пирог прямо мне в руки, будто это было не угощение, а награда, которую нельзя отвергнуть.

— Ты его нашёл. Ты заслужил.

И я взял — не ради награды, а ради её улыбки, которая на секунду прогнала всю усталость.

А ещё меня начали посылать на рынок одного — Рин и другие жрецы были заняты исцелением раненых авантюристов, которые возвращались из походов, чаще всего из Сильварана. Там, в Мёртвом Лесу, даже опытные бойцы получали ранения: мутировавшие звери, хищные растения, искажённая магия — всё это делало каждый шаг опасным.

На рынке я уже почти стал своим. Торговцы кивали мне, когда я проходил мимо, а некоторые даже улыбались.

Одна из лавок принадлежала дварфу по имени Бругн. Он торговал специями, и его лавка пахла так, что кружилась голова: корица, гвоздика, мускатный орех, сушёные травы, названия которых я даже не знал. Бругн был невысоким, коренастым, с густой бородой, в которой поблёскивали металлические нити. Он любил поболтать и всегда давал мне попробовать что-нибудь новое.

— Попробуй вот это, — говорил он, протягивая мне щепотку тёмнокрасного порошка. — Это «Каменный перец». Чуть-чуть — и любое блюдо становится в десять раз вкуснее. Но осторожно, не переборщи.

Я пробовал, морщился от остроты и смеялся, а Бругн хохотал так, что тряслась вся его борода.

Рядом с ним была лавка эльфийки по имени Лирианна. Она торговала сушёными травами и лекарственными сборами. Её голос был тихим, почти шёпотом, а движения — плавными, будто она скользила по воздуху. Она редко улыбалась, но всегда внимательно слушала, когда я спрашивал про травы, и давала советы, которые потом пригождались на кухне.

— Вот этот сбор, — говорила она, указывая на пучок сухих листьев с серебристыми прожилками, — помогает от усталости. Добавь щепотку в бульон — и человек почувствует прилив сил.

Я запоминал всё. Каждый запах, каждое слово, каждый взгляд. Рынок был живым, шумным, ярким — и он становился моим вторым домом.

Но самым важным событием этих двух недель стали тренировки с Торвином. Он просил называть его Наставником, и в этом слове было что-то такое, от чего у меня по спине бежали мурашки. Тренировки проходили во дворе церкви, на утрамбованной земле, посыпанной мелким песком. Мы начинали с деревянных мечей — тяжёлых, грубых, но надёжных.

Первые дни я едва мог устоять на ногах. Торвин кружил вокруг меня, как хищник, и указывал на каждую ошибку.

— Ты слишком напрягаешь плечи, — говорил он. — Расслабься. Меч — это продолжение руки, а не груз, который ты тащишь.

— Ты делаешь замах слишком рано, — продолжал он. — Противник увидит его за три шага и уйдёт.

— Твоя стойка неустойчива. Если тебя толкнут, ты упадёшь, как мешок с мукой.

Я падал. Много раз. И каждый раз поднимался, стискивая зубы и стараясь не показывать, как больно.

Но Наставник не был жестоким. Он видел, что я стараюсь, и иногда хвалил.

— У тебя хорошая скорость, — говорил он после особенно удачного выпада. — И реакция неплохая. Возможно, это из-за того, что ты привык работать с ножом. Но не обольщайся: нож — это не меч. Здесь другие законы.

Иногда за нашими тренировками наблюдала Рин. Она стояла в стороне, скрестив руки на груди, и смотрела на нас с таким выражением, будто хотела сказать: «Лучше бы ты помогал старикам, чем махал палкой». Но вслух она говорила другое.

— Не переусердствуй, — бросала она, проходя мимо. — У тебя ещё куча дел.

Я кивал, но в душе улыбался. Пусть она ворчит. Главное, что она не запрещала.

В один из дней тренировка началась как обычно: скрип песка под сапогами, тяжесть деревянного меча в ладони, терпкий запах нагретой травы. Солнце уже стояло высоко, и воздух дрожал над утрамбованной площадкой, будто сам мир становился зыбким от жары.

Наставник встал напротив, приняв стойку, и постучал своим деревянным клинком по моему мечу — лёгкий, резкий звук, от которого по руке бежали мурашки.

— Сегодня работаем не на скорость, — сказал он, голос звучал ровно, без лишних интонаций. — Работаем на чувство дистанции. Ты должен знать, где заканчивается твой клинок и начинается противник. Даже если противник — это я.

Я сжал рукоять чуть крепче, стараясь не выдать, как дрожат пальцы.

— Стой ровно, — продолжил он. — Не тянись вперёд. Пусть меч сам найдёт дорогу.

Мы начали медленно: короткие выпады, отводы, шаги в сторону, чтобы почувствовать, как меняется угол атаки. Каждый раз, когда я делал замах чуть раньше, Наставник легко отводил удар и качал головой:

— Ты кричишь о своём ударе за три шага. Противник уже ушёл, а ты остался с пустой рукой.

Я стискивал зубы, пытался поймать ритм, но тело, будто не слушалось: плечи снова напрягались, шаг выходил слишком широким, и в какой-то момент я споткнулся о незаметный выступ в земле. Меч дёрнулся, я пошатнулся, и Торвин тут же остановил тренировку, подняв руку.

— Стоп. Дыши. Не торопись.

Я остановился, тяжело дыша, и провёл рукавом по лбу — капли пота стекали по вискам, щекоча кожу.

— Простите... — начал было я.

— Не извиняйся, — перебил он. — Ошибки — это тоже урок. Скажи, что ты почувствовал перед тем, как споткнуться?

Я задумался, пытаясь вытащить из хаоса ощущений хоть что-то осмысленное.

— Я... слишком сильно хотел попасть. Думал, если сделаю выпад резче, то всё получится. Наставник кивнул, будто услышал именно то, что хотел.

— Желание победить — хорошо. Но оно не должно управлять твоими ногами. Сначала стойка. Потом движение. Потом удар. Не наоборот.

Он показал снова: шаг, поворот корпуса, лёгкий наклон вперёд — и клинок, словно сам скользнул вперёд, точно и без лишней силы.

— Попробуй так. Медленно. Как будто режешь лук на кухне. Помнишь, Орин говорил, что нож должен идти ровно, без рывков? С мечом то же самое.

Я попробовал: шаг, корпус, выпад. На этот раз земля не предала, и удар вышел чище. Наставник едва заметно улыбнулся:

— Уже лучше. Ещё раз. И ещё. Пока не почувствуешь, что это не усилие, а продолжение тебя.

Мы повторяли снова и снова, пока песок не прилип к моим сапогам, а руки не начали гудеть от напряжения. Но в какой-то момент что-то щёлкнуло: я перестал думать о каждом движении отдельно и просто позволил телу делать то, чему оно понемногу училось.

Когда тренировка закончилась, я опустился на землю, прислонившись спиной к тёплому камню ограды, и смотрел, как солнце медленно ползёт к горизонту. Торвин постоял рядом, потом протянул флягу:

— Пей. И не думай, что сегодня ты ничего не добился. Ты научился не падать. А это уже немало.

Я сделал глоток, почувствовал, как прохладная вода прогоняет усталость, и улыбнулся:

— Спасибо, Наставник.

...После тренировки я вернулся в церковь уже ближе к вечеру. Ноги гудели, в ладонях саднило от рукояти, но внутри было странное, приятное чувство — будто я наконец-то начал что-то понимать. Не про меч, так про себя.

В коридоре было шумно: не как на рынке, но совсем не пусто. Мимо пробежала послушница с охапкой чистых бинтов, за ней, тяжело ступая, шёл брат Гален — рослый мужчина с широкими плечами и тихим голосом, от которого всегда пахло травами и воском. Он кивнул мне, не останавливаясь:

— Акэми, если увидишь сестру Мирель, скажи, что настойка из тысячелистника нужна в лазарет. И побыстрее.

Я только успел кивнуть, как из боковой двери высунулась голова мальчишки-помощника, лет двенадцати, не больше:

— Эй, ты же с кухни? Скажи Орину, что в кладовой опять мыши! Я видел хвост!

И исчез, будто его и не было.

Я усмехнулся и свернул к кухне. Там пахло тёплым хлебом, жареным луком и чем-то пряным, что Орин добавлял в подливу по секрету. Шеф стоял у большого котла, помешивая содержимое деревянной лопаткой, и выглядел так, будто мог одним взглядом заставить закипеть даже камень.

— Ты словно мешок с песком, — буркнул он, едва я вошёл. — Тяжёлый и медленный. Но раз пришёл — помогай. Сегодня у нас каша с кореньями, да ещё этот... как его... **«Сумеречный лук»** надо почистить.

Я закатал рукава, взял нож и принялся за дело. Пальцы уже почти не дрожали, как в первые дни тренировок, и лезвие шло спокойнее, будто само знало, что нужно резать продукты, а не пальцы. Пока я работал, в голове крутились слова Торвина: «Пусть меч сам найдёт дорогу». Странно было думать о мече, когда в руках — нож, а перед глазами — горка овощей. Но в чём-то он был прав: и там, и там нужна точность.

Помимо этого шефОрин стал доверять мне готовить блюда самостоятельно. Сначала это были простые вещи: супы, каши, тушёные овощи. Но сегодня я решился приготовить коечто

из того, что делал дома. Например, жареную картошку с травами и чесноком. В этом мире привычной картошки не было, но был похожий корнеплод — «Лунный картофель». Он был чуть сладковатым, с ореховым привкусом, и отлично подходил для жарки.

Когда Орин попробовал моё блюдо, он замер с ложкой у рта, потом медленно доел и посмотрел на меня так, будто увидел впервые.

— Странно, — пробормотал он. — Вроде бы все продукты с кухни, ничего необычного. Но после этого блюда появляется какая-то лёгкость. Будто сил прибавляется. Ты точно не добавляешь никаких тайных ингредиентов?

Я покачал головой, сам удивляясь.

— Нет, — честно ответил я. — Просто готовлю так, как привык.

Орин хмыкнул, но больше не спрашивал.

Спустя пару часов мы с Орином собрали несколько подносов с ужином. Я нёс два из них в лазарет — так было быстрее, да и хотелось хоть мельком увидеть, как там дела у раненых. В лазарете пахло дымом, кровью и горькими травами. На узких койках лежали авантюристы — кто стонал, кто молчал, уставившись в потолок, кто пытался шутить, чтобы не показывать, как больно.

Послушницы, которые не владели стихией Поток, сновали между койками, меняли повязки, поили отварами. Сестра Мирель, которую упоминал брат Гален, склонилась над молодым воином с перевязанной грудью и тихо шептала ему что-то, пока тот сжимал кулаки от боли.

Я аккуратно расставил подносы на небольшом столе у входа. На одном из них стояла миска с тем самым блюдом из «Лунного картофеля» — жареного с чесноком и травами, как я привык готовить дома. Только вот по ошибке я поставил его не туда: этот поднос должен был уйти в комнату для служителей, а не к раненым. Но я заметил это уже слишком поздно — один из бойцов, седой мужчина со шрамом через всю щёку, уже схватил ложку и зачерпнул.

— Эй, погоди! — хотел крикнуть я, но не успел.

Он попробовал, замер на секунду, потом медленно доел ещё пару ложек и выдохнул:

— Странно... будто силы откуда-то взялись. Будто не три дня по лесу шёл, а выпался на мягкой перине.

Я замер, не зная, что сказать. А он только хмыкнул и отставил миску:

— Спасибо. Хотя что-то хорошее за эту неделю.

Тут в дверях появился Орин. Он окинул взглядом поднос, потом меня, потом снова поднос.

— Это же твоё? — спросил он, приподняв бровь.

Я кивнул, чувствуя, как к щекам приливает жар.

— Простите, я перепутал подносы...

Орин помолчал, потом пожал плечами:

— Ничего страшного. Блюдо не плохое. Пусть едят. Если им от него легче — тем лучше.

И ушёл, оставив меня стоять посреди лазарета, где воздух был густым от запахов и тишины, которая иногда бывает громче крика.

На следующий день Рин нашла меня на кухне. Я чистил овощи, стараясь не думать о вчерашнем, но она смотрела на меня так, будто уже всё знала.

— Акэми, — сказала она, прислонившись к косяку. — Сегодня трое раненых, которые ели твоё блюдо, встали с коек. Не полностью, но смогли сидеть без поддержки, а один даже пытался ходить.

Я уронил нож.

— Что? Но это просто картошка... ну, то есть «Лунный картофель». С чесноком. Я ничего не добавлял. Честно.

Рин прищурилась, будто пыталась разглядеть во мне что-то новое:

— Я тоже сначала подумала на травы. Проверила все сборы, которые были в лазарете, сравнила с тем, что давали больным. Ничего необычного. Потом пошла к Орину. Он сказал, что ты готовил по своему рецепту. И что это блюдо было единственным, которое отличалось от обычного рациона.

Она сделала паузу, будто взвешивала слова:

— Мы хотим провести небольшой эксперимент. Ничего опасного, просто посмотрим, будет ли эффект повторяться. Ты не против?

Я сглотнул. Против? Да я сам не понимал, что происходит. Но если это поможет людям...

— Хорошо, — кивнул я. — Что нужно делать?

Эксперимент устроили на следующий день в небольшой комнате рядом с кухней. Пришли Рин, сестра Мирель и брат Гален. Они сели за стол, а я стоял у плиты, чувствуя себя так, будто от одного неверного движения может рухнуть вся церковь.

— Сначала обычное местное блюдо, — сказала Рин. — Без твоих специй и приёмов. Просто то, что готовят здесь каждый день.

Я приготовил простую кашу с кореньями — такую, какую Орин делал сотни раз. Её раздали троим добровольцам из числа послушников, которым не было тяжело, но которые согласились помочь.

Потом Рин кивнула:

— Теперь твоё.

Руки чуть дрожали, когда я нарезал «Лунный картофель», когда бросал чеснок, когда сыпал травы. Но я старался делать всё точно так, как дома. Будто если хоть шаг будет другим — магия (если это вообще магия) исчезнет.

Блюдо раздали другой тройке.

Мы ждали.

Через час сестра Мирель записала в тетрадь: у тех, кто ел обычную кашу, всё было как обычно. А те, кто пробовал моё блюдо, говорили, что чувствуют прилив сил, что боль будто становится тише, а усталость — легче.

Брат Гален почесал подбородок:

— Невероятно. Эффект небольшой, но он есть. И он повторяется.

Рин посмотрела на меня, и в её взгляде было не подозрение, а скорее удивление — и уважение:

— Значит, дело не в травах. Дело в том, как ты готовишь. Или... в чём-то ещё.

Я не знал, что ответить. Просто стоял, сжимая полотенце, и думал: неужели то, что я считал обычным умением, здесь — особенность?

— Мы продолжим наблюдать, — сказала Рин, закрывая тетрадь. — Но пока никому не говори об этом. Не нужно, чтобы слухи разлетелись раньше времени.

Я кивнул.

А вечером, когда кухня опустела, Орин подошёл ко мне и тихо сказал:

— Знаешь, Акэми... иногда самое сильное волшебство — это умение делать что-то хорошо. Даже если ты сам этого не замечаешь.

Я улыбнулся, чувствуя, как внутри что-то теплеет.

Пусть я не авантюрист. Пусть у меня особо нет люменов или меча из драконьей стали. Но, может быть, моё место здесь — вот у этой плиты. И, возможно, именно так я и буду помогать этому миру.

Глава пятая. Популярность имеет цену

Дни шли, и мои «особые» блюда стали чем-то вроде тихого секрета, о котором знали немногие, но вслух почти не говорили. Орин по-прежнему давал мне готовить «мои» блюда, но теперь делал это с особой осторожностью — будто боялся, что если переборщить, то магия (или что там это было) рассеется, как утренний туман. Иногда он подходил, нюхал бульон, хмурился, словно пытался уловить какой-то неуловимый оттенок, и наконец вздыхал:

— Ладно. Ещё одно блюдо. Но только одно. И не вздумай никому рассказывать, что ты туда кладёшь.

Я только кивал. Я и сам не знал, что туда кладу. Те же самые продукты: «Лунный картофель», «хрустик», «кровавица», травы, которые мне советовала Лирианна, щепотка «**Каменного перца**» от Бругна — и всё. Но стоило кому-то съесть родную мне стряпню, как человек будто становился легче, бодрее, будто у него открывалось второе дыхание. Раненые авантюристы, которых приносили в церковь после вылазок из Сильварана и Морнтара, ели мою еду и потом говорили, что боль будто отступала на шаг, а силы возвращались быстрее.

Сначала это казалось чудом. Потом — странностью. А потом стало чем-то, что все старались держать в тайне. Не из страха, а из осторожности. Как будто если рассказать слишком многим, волшебство исчезнет.

Поручения от Дариана Кельна шли одно за другим, и я бегал по городу, как заведённый. То нужно было отнести корзину яблок от старушки Лиры, то найти потерявшуюся курицу, то передать письмо купцу, который вечно опаздывал на встречи. Я мчался по узким улочкам, петлял между телегами, перепрыгивал через лужи, помогал старушкам перейти дорогу, отгонял бродячих собак от детей — и всё это так быстро, что люди начали замечать.

Однажды, когда я выскочил из переулочка, едва не сбив с ног дварфа с огромной корзиной грибов, тот только махнул рукой и крикнул мне вслед:

— Эй, ты, Вихрь! Смотри, куда летишь!

Я замер на секунду, обернулся:

— Кто?

— Вихрь! — повторил дварф, усмехаясь. — Ты носишься по городу так, будто ветер тебя толкает. Вихрь, вот ты кто!

И это прозвище прилипло ко мне. Сначала его шептали за спиной, потом стали выкрикивать при встрече:

— Эй, Вихрь, помоги донести мешок!

— Вихрь, тут кошка на дерево залезла, сними!

— Вихрь, ты не видел моего сына? Он опять убежал к реке!

Я не возражал. Мне даже нравилось. В этом прозвище было что-то живое, быстрое, будто оно отражало то, как я теперь жил — в постоянном движении, в попытках успеть везде, помочь всем, кто нуждался.

Но вместе с популярностью пришла и другая сторона. На меня начали обращать внимание не только простые горожане, но и те, кто стоял выше. Однажды Дариан, передавая мне очередное поручение, вдруг остановился и посмотрел на меня внимательнее обычного.

— Знаешь, Акэми, — сказал он, поправляя связку ключей на поясе, — о тебе уже говорят не только на рынке. Даже в городской администрации знают про «Вихря». И коекто хочет с тобой поговорить.

Я нахмурился:

— Кто?

— Пока не знаю точно, — уклончиво ответил Дариан. — Но будь готов. Иногда внимание — это не всегда хорошо.

И он оказался прав.

Через несколько дней, когда я как раз делал перерыв между тренировкой с Торвином и очередной порцией поручений, ко мне подошла Рин. Она выглядела напряжённой, будто сдерживала внутри бурю.

— Акэми, — сказала она, стараясь говорить спокойно, но в голосе всё равно слышалось волнение, — тебя вызывают на собрание. Прямо сейчас.

— На собрание? — переспросил я, вытирая пот со лба рукавом. — А что случилось?

— Не знаю, — призналась она. — Но там будут важные люди. И лучше, чтобы ты пришёл.

Мы пошли по коридорам церкви — тихим, прохладным, пахнущим воском и травами. Зал для собраний был небольшим, но строгим: длинный стол из тёмного дерева, стулья с высокими спинками, на стенах — вышитые полотнища с символом Культа Светоносного Пути: солнце с расходящимися лучами.

Когда мы вошли, все уже были там. Дариан сидел ближе к концу стола, рядом с ним — брат Гален и сестра Мирель, которые вместе руководили этой церковью. Орин стоял у стены, скрестив руки на груди, и смотрел на дверь так, будто ждал чего-то неприятного.

А во главе стола сидел незнакомый мужчина. Когда я увидел его, у меня внутри всё сжалось. Он выглядел так, будто мог одним взглядом заставить весь город замолчать. Тёмные волосы, часть прядей убрана назад, остальные свободно обрамляют лицо — в этой небрежности чувствовалась не расслабленность, а контроль. На носу — очки в тонкой оправе, за которыми прятались янтарнокарие глаза, внимательные, цепкие, будто сканирующие каждую деталь. Лицо с чёткими чертами, без лишней мягкости, и в то же время без жестокости — просто серьёзное, готовое к любым трудностям.

Он был одет в тёмносерый костюм строгого кроя: высокий воротник, лаконичные линии, пара золотистых пуговиц, которые блестели, но не кричали о богатстве. Под воротником виднелась светлая фактурная водолазка — единственная деталь, которая немного смягчала образ, намекая, что за этой строгостью прячется живой человек.

«Это не просто чиновник, — подумал я, глядя на него. — Это тот, кто привык принимать решения, от которых зависят сотни жизней».

— А, вот и он, — произнёс мужчина, чуть наклонив голову. — Вихрь. Местная легенда. Рад видеть.

Голос у него был спокойный, но твёрдый, как сталь.

— Я... я не легенда, — пробормотал я, чувствуя, как краснеют щёки. — Я просто помогаю.

Мужчина улыбнулся — не широко, а так, будто признавал мою скромность, но не собирався её принимать всерьёз.

— Меня зовут Иларий Марн, советник мэра Эфириуса, — представился он. — И я здесь, чтобы поговорить о том, как твои таланты могут послужить городу.

Рин шагнула вперёд, будто хотела заслонить меня:

— Господин Марн, Акэми здесь не для того, чтобы его использовали. Он просто ищет своё место.

— Понимаю, — спокойно ответил Иларий, не сводя с меня взгляда. — Но иногда место находит человека раньше, чем он успевает его выбрать. Расскажите мне, где вы его нашли и что он делал всё это время.

Рин вздохнула, будто сдаваясь перед неизбежностью, и коротко рассказала: как меня нашли, проходящие мимо авантюристы, на опушке леса, как я очнулся в церкви, как начал помогать на кухне, как стал добровольцем для поручений Гильдии, как люди стали звать меня Вихрем.

Дариан, который сидел рядом, кивнул:

— Он действительно очень помог нашей церкви. Благодаря ему мы смогли выполнить десятки поручений, которые никто другой не хотел брать. И это не только про деньги. Люди видят, что мы помогаем, и начинают доверять нам больше. Пожертвования выросли, последователей стало больше.

Брат Гален, до этого молчавший, вдруг вмешался:

— И ещё... есть коечто. Его еда. Она... необычная. Раненные говорят, что после неё быстрее идут на поправку.

Орин тут же встрепенулся:

— Это просто хорошие блюда, — резко сказал он. — Акэми умеет готовить. Вот и всё. Но Иларий уже зацепился за эти слова.

— Необычная еда, — повторил он, слегка наклоняя голову. — То есть, вы хотите сказать, что его блюда обладают... магическим эффектом?

Сестра Мирель покачала головой:

— Мы не знаем точно. Данных мало. И последствия неизвестны.

Гален поддержал её:

— Именно. Мы не можем быть уверены, что это безопасно. Вдруг эффект временный? Или, хуже того, накопительный?

Иларий медленно обвёл взглядом всех присутствующих, будто оценивая их аргументы.

— В Люменарии сейчас много раненых, — сказал он спокойно, но твёрдо. — Сражения с Морнтаром идут почти без остановки. В церквях не хватает ресурсов, чтобы помогать всем. Если у нас есть способ ускорить восстановление, мы обязаны его использовать.

Рин снова попыталась возразить:

— Но Акэми не инструмент. Он человек. И у него должно быть право выбора.

Мирель мягко, но настойчиво перебила её:

— Рин, мы все хотим защитить его. Но мы также должны думать о благе народа. Если его способности могут спасти жизни, разве мы имеем право их скрывать?

Гален кивнул:

— Да. Нужно больше экспериментов. Нужно понять, как это работает.

Иларий слегка наклонил голову, будто соглашаясь с их логикой:

— Именно, поэтому я предлагаю забрать Акэми в Люменарию. Там есть лучшие лаборатории, лучшие учёные, лучшие жрецы. Они смогут изучить его способности и использовать их максимально эффективно.

Внутри у меня всё похолодело. Люменария. Сердце Света. Место, которое казалось мне недостижимым, теперь звучало как тюрьма.

— Нет, — тихо, но твёрдо сказала Рин. — Он не вещь, которую можно забрать.

В этот момент дверь распахнулась, и в зал вошёл Торвин. Он остановился на пороге, окинул всех тяжёлым взглядом и спокойно произнёс:

— Прежде чем решать судьбу Акэми, может, стоит спросить его самого?

Все замолчали. Все взгляды обратились ко мне. Я стоял, сжав кулаки, чувствуя, как по спине стекает холодный пот. Никто не говорил ни слова. Только тишина, тяжёлая, давящая, будто ждала, что я её разобью.

— Я... — мой голос дрогнул, и мне пришлось прокашляться. — Я не хочу быть инструментом. Но я хочу помогать. Просто... я не знаю, как это сделать правильно.

Наставник шагнул ближе, встал рядом со мной, будто защищая:

— У него есть право выбора. И пока он не готов к тому, чтобы его забирали куда-то против воли.

Иларий внимательно посмотрел на меня, будто пытаясь прочесть мои мысли:

— Ты хочешь стать авантюристом, верно? — вдруг спросил он.

Я кивнул, удивляясь, откуда он это знает.

— Да, — тихо ответил я. — Это моя мечта.

Советник чуть усмехнулся, но в этой усмешке не было насмешки — скорее, понимание.

— Мечта хорошая, — сказал он. — Но дорогая. Регистрация в Гильдии — сто люменов. Плюс снаряжение. Плюс риск. Авантюризм — это не романтика, это ежедневная борьба за выживание.

Он сделал паузу, давая мне осознать эти слова.

— Но если ты действительно хочешь доказать, что можешь быть полезен не только как повар, у нас есть другой путь. В городе скоро пройдёт испытание для тех, кто хочет проявить себя. Оно сложное, опасное, но если ты пройдёшь его, твоё имя узнают все. И тогда ты сможешь выбрать, кем стать: авантюристом, помощником города или кемто ещё.

Я сглотнул. Испытание. Опасное. Сложное. Но... шанс.

— Я подумаю, — прошептал я, сам удивляясь своей смелости.

Иларию кивнул, будто принимая мой ответ:

— Хорошо. Подумай. А пока... прислушайтесь к моим словам. Не стоит торопиться с выводами. И не стоит рисковать тем, что ещё не изучено.

Собрание закончилось. Все разошлись, унося с собой свои мнения, свои страхи, свои надежды. Я остался стоять посреди зала, чувствуя себя маленьким и потерянным.

Наставник положил мне руку на плечо:

— Пойдём. Тебе нужно выпустить пар. Потренируемся.

Мы вышли во двор. Солнце уже клонилось к закату, отбрасывая длинные тени, воздух стал прохладнее, и запах травы и пыли смешивался с запахом нагретого камня.

Тренировка началась как обычно: стойки, выпады, блоки. Но сегодня я не мог сосредоточиться. Мысли кружились, как листья на ветру: испытание, Люменария, авантюризм, способности, о которых я ничего не знал.

— Опустоши голову, — сказал Торвин, отбивая мой неуклюжий удар. — Выплесни всё в меч. Пусть мысли станут движением.

Я попытался. Собрал всю усталость, весь страх, всю неуверенность и вложил их в следующий выпад. Он получился быстрым, резким, почти отчаянным. И вдруг... я почувствовал, как воздух вокруг меня будто сгустился, как будто невидимая сила подтолкнула руку вперёд. Деревянный меч мелькнул перед глазами Торвина, не коснувшись его, но...

Ткань на его рукаве вдруг разошлась, как от острого лезвия, а под ней показалась тонкая красная линия — неглубокая, но настоящая рана.

Наставник замер, опустил меч, посмотрел на порез, потом на меня. В его взгляде не было гнева — только удивление и что-то похожее на понимание.

— Ты... — он покачал головой. — Ты даже не коснулся меня.

Я отшатнулся, чувствуя, как внутри всё сжимается от ужаса:

— Простите! Я не хотел! Я не понимаю, как это произошло!

Наставник поднял руку, останавливая мои извинения:

— Тише. Ничего страшного. Это даже хорошо.

— Хорошо?! — выдохнул я. — Я вас порезал!

— Да, — спокойно согласился он. — Но не мечом. Ты порезал меня... ветром.

Я уставился на него, не понимая:

— Ветром?

Торвин сел на край скамьи, осторожно потрогал порез, будто проверяя, насколько он глубок.

— Помнишь, ты рассказывал, что на кухне постоянно резался? — спросил он. — Даже когда всё делал правильно.

Я кивнул.

— Возможно, — медленно произнёс Торвин, — это не случайность. Возможно, у тебя стихия Буря. Ветер. И ты ещё плохо им управляешь. Эти невидимые потоки вырываются, когда ты сильно концентрируешься, и режут всё на своём пути — даже воздух.

Я стоял, не в силах пошевелиться. Буря. Одна из семи стихий. Та, что даёт скорость и воздушные атаки.

— Но я не маг, — прошептал я.

— Маг — это тот, кто умеет управлять силой, — ответил Торвин. — А ты её носишь в себе. Просто не знаешь, как её использовать.

Он встал, потянулся и слегка поморщился — порез всё ещё болел.

— Завтра я принесу один инструмент, — сказал он. — У моего знакомого в лавке «Уголёк и Реторта» есть магический прибор, который определяет стихию. Мы узнаем точно.

Вечером, когда солнце уже село, а коридоры церкви наполнились тишиной и запахом воска, я встретил Рин. Она стояла у окна, глядя на тёмное небо, будто искала там ответы.

— Ты в порядке? — тихо спросила она, не оборачиваясь.

— Не знаю, — честно ответил я. — Всё слишком сложно. Выбор... он кажется таким огромным.

Она, наконец, повернулась ко мне. В её глазах читалась усталость, но и забота.

— Испытание, о котором говорил Иларий... — начала она, подбирая слова. — Оно действительно очень сложное. И опасное. Многие не возвращаются.

Я опустил взгляд.

— Знаю, — прошептал я. — Но если я не попробую, я никогда не узнаю, на что способен.

Рин подошла ближе, положила руку мне на плечо — лёгкое, тёплое прикосновение, от которого становилось чуть спокойнее.

— Просто... не торопись, — сказала она. — У тебя есть время подумать.

Я кивнул, хотя внутри всё кричало, что времени как раз и нет.

— Спасибо, — тихо произнёс я. — За всё.

Она слабо улыбнулась:

— Иди, отдыхай. Завтра будет новый день. И новые решения.

Я ушёл в свою комнату, сел на кровать и долго смотрел в темноту. Буря. Испытание. Люменария. Авантюризм. Столько дорог, и ни одна из них не казалась простой. Но где-то внутри, под страхом и сомнениями, тлело что-то ещё — огонёк надежды. Надежды на то, что однажды я смогу стать не просто «Вихрем», который носится по городу, а кем-то большим. Кем-то, кто действительно может изменить этот мир.

И я решил: я подумаю об испытании. Но не сегодня. Сегодня мне нужно просто выдохнуть. И ждать завтрашнего дня, когда Торвин принесёт тот самый прибор, который, возможно, наконец, откроет мне правду о себе.

Глава шестая. Выйти навстречу буре

Утро в Эфириусе начиналось не с крика петухов — их тут почти не держали, слишком уж беспокойные птицы, — а с гула города: скрип тележных колёс, приглушённые голоса, звон колоколов, которые отбивали четверти, и далёкий, но отчётливый грохот кузнечных молотов, будто сам город, просыпался, потягивался и принимался за работу. Я помог на кухне, привычно нарезая продукты, стараясь не думать о вчерашнем собрании, о словах Илария Марна, о порезе на руке Торвина и о том, как это всё вообще может быть связано.

Орин поглядывал на меня изпод густых бровей, будто пытался угадать, что у меня на душе.

— Не стой столбом, — буркнул он, когда я на секунду замер с ножом в руке, забыв, что режу, а не думаю. — Руки заняты — голова отдыхает.

Я кивнул, сделал глубокий вдох и снова принялся за дело. Нож скользил по твёрдой коже, ломтики падали ровно, как учили. Но мысли всё равно крутились где-то рядом, как назойливые мухи: испытание, Люменария, стихия Буря, как меч, который мне ещё даже не дали, а я уже боялся его сломать.

Когда я закончил с нарезкой, Орин чуть наклонил голову и сказал:

— Иди к Дариану. Он тебя ждёт. И не хмурься. Ты не на казнь идёшь.

Я слабо улыбнулся, хотя улыбаться не хотелось, и вышел из кухни.

По пути к Дариану я встретил брата Галена. Он шёл быстрым, уверенным шагом, в руках держал стопку пергаментов, а на лице застыло выражение человека, который знает, что впереди много дел и ни на одно нельзя опоздать.

— Акэми, — коротко кивнул он, не замедляя шага. — Вечером у нас начинаются эксперименты. Не задерживайся. Нам нужно, чтобы ты был здесь вовремя.

Я сглотнул, чувствуя, как в груди снова сжимается холодный комок.

— Хорошо, — ответил я, стараясь, чтобы голос звучал твёрдо. — Я всё сделаю.

Гален чуть замедлился, посмотрел на меня внимательнее, будто хотел что-то сказать, но потом только кивнул и пошёл дальше.

Дариан сидел за своим столом, заваленным бумагами, свитками и маленькими глиняными табличками с пометками. Рядом стояла чашка остывшего чая, а на краю стола лежала связка ключей, позвякивавшая при каждом его движении.

— А, Вихрь, — хмыкнул он, увидев меня. — Как раз вовремя. Есть пара поручений. Ничего сложного, но все срочные.

Он протянул мне список: отнести корзину с травами в дом вдовы Фреи, забрать у кузнеца заказ для церкви, помочь разгрузить телегу с мукой у пекарни и ещё несколько мелких дел.

— Всё понятно? — спросил он, поднимая на меня взгляд.

— Да, — кивнул я, сворачивая список и пряча его в карман. — Сделаю.

— И не гони слишком, — добавил Дариан, чуть смягчая голос. — Ты у нас быстрый, но не бессмертный.

Я снова кивнул, на этот раз чуть увереннее, и вышел, чувствуя, как город снова обнимает меня шумом, запахами и движением.

Солнце уже поднялось высоко, заливая улицы золотистым светом, и тени от домов лежали на брусчатке, как тёмные ленты. По дороге мне то и дело попадались знакомые лица: мальчишка, который разносил письма, махнул мне рукой; старушка, которой я недавно помог донести корзину, улыбнулась и кивнула; дварф Бругн из лавки специй высунулся из двери и крикнул:

— Эй, Вихрь! Если будешь на рынке — загляни! Есть кое-что новенькое, тебе понравится!

Я помахал в ответ, чувствуя, как внутри что-то чуть-чуть теплеет. Здесь меня знали. Здесь я был не просто чужаком, который свалился с неба, а кем-то, кто делает этот город чуть лучше.

Первое поручение было самым простым — отнести корзину с травами вдове Фрее. Она жила на окраине, в маленьком домике с покосившейся крышей и садом, где росли не только овощи, но и странные травы с фиолетовыми цветами, названия которых я не знал. Когда я постучал, дверь приоткрылась, и в щели показалось усталое, но доброе лицо Фреи.

— О, Вихрь, — прошептала она, улыбаясь. — Заходи, заходи. Спасибо, что принёс.

Я вошёл, поставил корзину на стол, и она тут же принялась разбирать травы, бормоча себе под нос названия и прикидывая, что из чего сварить.

— Ты знаешь, — вдруг сказала она, поднимая на меня глаза, — люди говорят, что ты не просто так носишься по городу. Говорят, ты помогаешь не ради денег, а потому что сердце у тебя доброе.

Я покраснел, не зная, что ответить.

— Я просто... делаю, что могу, — пробормотал я.

Фрея кивнула, будто принимая мои слова, и протянула мне маленький мешочек с сушёными ягодами.

— Возьми. Это для силы. Пусть тебе хватает её на все твои дела.

Я взял мешочек, чувствуя, как пальцы сжимаются вокруг него, и снова кивнул.

— Спасибо, — тихо сказал я. — Обязательно использую.

Выходя из её дома, я чувствовал себя немного легче, но мысли снова возвращались к вечеру, к экспериментам, к тому, что меня могут забрать в Люменарию и сделать чем-то вроде... инструмента.

Следующие поручения шли одно за другим. У кузнеца я долго стоял, ожидая, пока он закончит ковать подкову, и слушал, как металл поёт под ударами молота. В пекарне помогал разгружать мешки с мукой, чувствуя, как белая пыль оседает на одежде и волосах, и думал о том, что, возможно, это последний раз, когда я делаю такие простые, понятные вещи.

Ближе к обеду, когда солнце стояло в зените, а тени стали совсем короткими, ко мне подошёл Торвин. В одной руке он держал небольшой кожаный футляр, в другой — свёрток, перетянутый ремнями.

— Есть минутка? — спросил он, чуть прищуриваясь от солнца.

Я кивнул, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

— Пойдём, — сказал он. — У меня кое-что есть.

Мы отошли в тихий переулок, где почти не было людей, только кошка дремала на подоконнике, а из окна доносился запах тушёного мяса. Торвин положил свёрток на ящик, развязал ремни и развернул ткань. Внутри лежал настоящий меч. Не деревянный макет, не тренировочный клинок, а настоящее оружие: лезвие отливалось голубоватым металлом, рукоять была обмотана тёмной кожей, а гарда блестела тонкой гравировкой.

— Это... — я не мог подобрать слов. — Это мне?

— На время, — спокойно ответил Наставник. — Взял у знакомого дварфа, Брокка. Он делает оружие, которое будто само ложится в руку. Но меч нужно будет вернуть в целости и сохранности. Иначе придётся платить. А лишних денег у нас с тобой нет.

Я осторожно коснулся рукояти, чувствуя, как холод металла проникает сквозь кожу. Меч был тяжелее, чем я ожидал, но в то же время будто звал меня, приглашая стать сильнее.

— Сначала проверим твою стихию, — сказал Наставник, доставая из футляра небольшое устройство. Оно выглядело как плоский диск из тёмного металла, по краю которого шли тонкие светящиеся линии, похожие на трещины. В центре диска мерцал маленький кристалл, переливаясь всеми оттенками синего и зелёного.

— Это определитель стихий, — пояснил Наставник. — Работает на остаточной магии. Нужно положить руку на кристалл и сосредоточиться.

Я положил ладонь на кристалл, чувствуя, как под пальцами он начинает пульсировать, будто живой. Сначала ничего не происходило, только лёгкое тепло, которое постепенно становилось сильнее. Потом линии на диске вспыхнули ярче, кристалл засиял, и воздух вокруг меня будто сгустился, как перед грозой.

Внезапно из кристалла вырвался тонкий луч света, который закружился вокруг меня, сплетаясь в вихрь, похожий на миниатюрную бурю. Линии на диске задвигались, словно живые, и кристалл из синезелёного стал яркоголубым, почти ослепительным.

Торвин смотрел на это, не моргая, а потом медленно кивнул.

— Буря, — произнёс он. — Редко встречается. Особенно в чистом виде.

Я убрал руку, чувствуя, как дрожь пробегает по пальцам.

— Что это значит? — прошептал я.

— Это значит, — ответил Наставник, убирая устройство обратно в футляр, — что ты можешь управлять ветром. Не просто двигаться быстро, а создавать порывы, направлять потоки, резать воздух так, что он становится острым, как лезвие. Если научишься — с этим мечом ты сможешь наносить удары, которые будут быстрее и опаснее обычных.

Мы пришли на тренировочную площадку — небольшой двор, огороженный невысокой каменной стеной, где песок был утоптан до твёрдости камня. Торвин взял деревянный макет, я — настоящий меч.

— Попробуй, — сказал он. — Вспомни всё, чему научился.

Я встал в стойку, поднял меч, сделал выпад, блок, ещё один выпад. Движения были правильными, чёткими, но... обычными. Никакой магии, никакого ветра, только сталь и дерево.

Торвин отбивал мои удары спокойно, будто давая мне время привыкнуть к новому оружию.

— Ты двигаешься, как будто боишься, — наконец сказал он. — Будто думаешь, что если используешь силу, то сломаешь что-то. Или кого-то.

Я опустил меч, чувствуя, как плечи наливаются усталостью.

— Боюсь, — честно признался я. — Вчера я порезал Вас, даже не коснувшись. Что будет, если я попробую использовать эту силу?

Наставник чуть наклонил голову, будто обдумывая мои слова.

— Тогда вспомни, — тихо сказал он. — Вспомни те моменты, когда ты резался ножом. Вспомни, как воздух будто цеплялся за лезвие, как что-то внутри тебя вырывалось наружу. Попробуй почувствовать это снова. Не бойся. Просто позволь этому быть.

Я закрыл глаза, пытаюсь вспомнить. Холод лезвия в руке, движение, которое казалось правильным, но вдруг шло не туда, невидимая сила, которая будто подталкивала руку, заставляя её скользить мимо цели... И вдруг я почувствовал это снова — лёгкое покалывание на кончиках пальцев, холод, который шёл не извне, а изнутри, и тонкий, едва уловимый шёпот ветра в ушах.

Я сделал выпад. На этот раз не просто удар — я попытался направить эту силу вперёд, собрать её в острие меча. И вдруг воздух передо мной дрогнул, как от жара, и из клинка вырвался тонкий вихрь, который поднял пыль с земли и ударил в стену, оставив на камне тонкую царапину.

Торвин отвёл удар, но даже не попытался контратаковать. Он смотрел на меня, будто видел впервые.

— Вот оно, — тихо произнёс он. — Теперь ты понял? Это не проклятие. Это сила. Её нужно приручить, а не бояться.

Мы решили сделать перерыв и перекусить. Я подумал, что если мои блюда действительно имеют какой-то эффект, то, возможно, они помогут и мне, и Наставнику. Я быстро приготовил гуляш — по крайней мере, попытался сделать что-то похожее на гуляш из своего мира. Вместо привычной говядины использовал мясо «Каменного кролика», которое было в кладовой, доба-

вил «Лунный картофель», лук, чеснок, щепотку «Каменного перца» и ещё пару трав, которые подсказала Лирианна.

Торвин попробовал, медленно прожевал, потом взял ещё одну ложку и посмотрел на меня с удивлением.

— Знаешь, — сказал он, потирая подбородок, — я чувствую... будто усталость ушла. Как будто я только что выспался на целую неделю.

Я пожал плечами, сам не понимая, как это работает.

— Может, просто вкусно, — пробормотал я.

Торвин хмыкнул:

— Вкусно — это когда хочется добавки. А это... это будто даёт силы.

После перекуса мы вернулись к тренировке. На этот раз Торвин предложил мне попробовать использовать не только стандартные стойки, но и те движения, которые я знал до этого — не боевые, а скорее бытовые: как я резал овощи, как замешивал тесто, как раскатывал лапшу. Он сказал, что иногда самые простые движения могут стать основой для чего-то большего, если добавить к ним упорство.

Я попробовал. Сначала ничего не получалось: вихри вырывались в разные стороны, один чуть не сбил с ног пробежавшего мимо мальчишку, другой закружил пыль так, что мы оба закашлялись. Торвин смеялся, но не зло, а так, будто радовался, что я вообще смог что-то сделать.

— Не спеши, — говорил он. — Пусть сила станет твоей привычкой. Пусть она будет как дыхание.

Постепенно вихри становились чуть более послушными. Они всё ещё шли не туда, куда я хотел, но уже не были хаотичными. Я чувствовал, как ветер откликается на мои движения, как он сплетается с ударами, делая их быстрее, острее.

Когда солнце начало клониться к закату, мы решили отдохнуть. Я попрощался с Торвином и отправился выполнять оставшиеся поручения. В городе уже зажигали фонари, и улицы наполнялись тёплым жёлтым светом, который смешивался с прохладным вечерним воздухом.

Вернувшись к Дариану, я отчитался о выполненных заданиях. Он кивнул, принимая мои слова, но в его взгляде читалось что-то ещё — не тревога, а скорее ожидание.

— Тебя уже ждут, — тихо сказал он. — Гален предупредил.

Я сжал кулаки, чувствуя, как внутри всё сжимается от волнения, и пошёл туда, где должны были начаться эксперименты.

В небольшом зале, который обычно использовали для собраний, теперь всё было устроено иначе: вдоль стен стояли скамьи, на столах лежали чистые полотенца, склянки с зельями и стопки пергаментов для записей. В центре комнаты стоял небольшой стол, накрытый чистой тканью. Орин, Гален, Мирель и несколько служителей церкви уже были там. Они выглядели серьёзными, собранными, будто готовились не к эксперименту, а к чему-то гораздо большему.

— Мы решили не рисковать авантюристами, — сказал Гален, когда я вошёл. — Поэтому пригласили добровольцев из числа служителей. Они устали, им нужна поддержка, и они согласны на это по своей воле.

Мирель кивнула, держа в руках перо и пергамент, готовая записывать всё, что произойдёт.

— Начнём с простого, — сказала она. — Приготовь одно из своих особых блюд. Любое.

Я кивнул и принялся за дело. Продукты были те же, что и всегда: мясо, овощи, травы, специи. Я старался не думать о том, что за мной наблюдают, и просто делал то, что умел. Когда блюдо было готово, я подал его одному из служителей. Он попробовал, медленно, будто боялся, что еда может его обжечь, а потом кивнул:

— Странно. Не то чтобы вкусно... хотя вкусно. Но после него будто сил прибавилось. Как будто я могу ещё час работать, не чувствуя усталости.

Потом Орин приготовил точно такое же блюдо — те же продукты, те же пропорции, те же движения. Но когда его попробовали, эффекта не было. Служители говорили, что блюдо хорошее, но... обычное.

Мы попробовали ещё несколько вариантов: простые супы, каши, тушёные овощи. И каждый раз, когда готовил я, блюдо имело лёгкий восстанавливающий эффект. Когда готовил Орин — нет.

Мирель записывала всё до мельчайших деталей: какие продукты я использовал, в каком порядке, сколько времени готовил, даже как держал нож.

— Эффект небольшой, — наконец сказала она, откладывая перо. — Но стабильный. И он есть только тогда, когда готовит Акэми.

Гален кивнул, будто подтверждая свои собственные мысли.

— Значит, дело не в продуктах, — произнёс он. — Дело в нём.

Я стоял, чувствуя себя одновременно важным и... чужим. Как будто меня разобрали на части и теперь пытались понять, как я устроен.

Эксперименты закончились. Я помог убрать посуду, сложить полотенца и вытереть столы. Когда всё было сделано, я вышел в коридор, чувствуя, как тишина церкви давит на уши после дневного шума города.

Там меня встретила Рин. Она шла от комнаты раненых, лицо её было усталым, но спокойным.

— Как всё прошло? — тихо спросила она.

— Вроде бы... нормально, — ответил я, не зная, как описать свои чувства. — Они всё записали. Теперь будут следить за состоянием тех, кто пробовал мою еду.

Рин кивнула, будто ожидала чего-то подобного.

— Это не конец, — мягко сказала она. — Но и не приговор.

Мы немного постояли в тишине, слушая, как где-то вдалеке капает вода из крана, как скрипит старая дверь, как шепчутся служители, обсуждая прошедший день.

— Знаешь, — вдруг сказал я, глядя в тёмный коридор, — я всё думаю о том, что будет дальше. Испытание... авантюризм... стихия... Иногда мне кажется, что я пытаюсь ухватить сразу всё и в итоге не ухватчу ничего.

Рин посмотрела на меня, и в её взгляде было столько понимания, что мне захотелось просто опустить голову ей на плечо и сказать: «Я не справляюсь». Но я не сказал.

— Никто не справляется сразу, — тихо ответила она. — Каждый из нас когда-то стоял на твоём месте и не знал, куда шагнуть. Главное — не останавливаться. Даже если шаг будет маленьким.

Я улыбнулся, на этот раз искренне.

— Спасибо, — прошептал я. — За то, что ты здесь.

Она чуть наклонила голову, будто принимая мою благодарность, и пошла дальше по коридору.

Я отправился в свою комнату. По дороге я думал о мече, о вихрях, о блюдах, которые давали силы, о людях, которые на меня надеялись, и о тех, кто хотел использовать меня. И в какой-то момент я понял, что не хочу быть просто инструментом. Не хочу быть просто «Вихрем», который носится по городу и помогает всем подряд. Я хочу быть кем-то большим. Хочу стать авантюристом, пройти испытание, доказать, что я могу не только помогать, но и защищать.

«Может быть, — думал я, лёжа на кровати и глядя в тёмный потолок, — может быть, именно это и есть мой путь. Не убегать от силы, а принять её. Не бояться меча, а научиться владеть им. Не прятаться за чужой волей, а самому решать, куда идти и что делать.

Я продолжал лежать на узкой кровати в своей комнате, где пахло сухой травой и воском — Рин иногда клала под подушку пучки лаванды, чтобы «сгонять дурные сны». Окно было приоткрыто, и в щель просачивался прохладный вечерний воздух, смешиваясь с далёкими звуками города: гдето лаяла собака, кто-то смеялся на соседней улице, скрипнула телега — обычные, простые звуки, которые вдруг стали для меня чем-то очень важным. Будто напоминали, что мир большой, и в нём есть место не только для испытаний и опасностей, но и для маленьких спокойных вечеров.

Но спокойствия во мне не было. В голове всё крутились слова Илария Марна: «Испытание сложное, опасное...» А ещё слова Рин: «У тебя есть время подумать». Только вот время будто сжималось, как пружина. Каждый день приносил что-то новое: стихию, меч, эксперименты, взгляды людей, которые теперь смотрели на меня не просто как на помощника, а как на... ресурс. На возможность. На инструмент.

«Я не хочу быть инструментом», — снова и снова повторял я про себя, будто заклинание, которое должно было защитить меня от того, что надвигалось.

И тут я вдруг понял: я прятался за рутинной. За тем, что было понятно и безопасно: нарезать овощи, отнести корзину, подмести двор, помочь старушке, найти кота. Это были хорошие дела. Правильные. Но я делал их не только потому, что хотел помочь, — я делал их ещё и потому, что они не требовали от меня выбора. Пока я бегал по поручениям и помогал всем подряд, мне не приходилось выбирать. Рутинная была моим щитом: пока я нарезаю овощи и отношу корзины, никто не ждёт от меня большего. Пока я был «Вихрем», который просто носится по городу, никто не ждал от меня, что я стану кем-то большим.

А теперь ждали.

Торвин верил, что у меня есть сила. Рин верила, что у меня есть сердце. Дариан верил, что я могу быть полезен. Даже Гален и Мирель, хоть и смотрели на меня как на загадку, которую нужно разгадать, всё равно видели во мне что-то ценное. И от этого становилось ещё страшнее: если я ошибусь, если не справлюсь, я подведу не только себя.

Я сел на кровати, спустил ноги на холодный пол и посмотрел на меч, который стоял у стены, прислонённый к сундуку. Он больше не казался просто куском металла. Теперь он был как обещание: если я научусь владеть им, если смогу приручить свою стихию, я смогу не только помогать, но и защищать. Смогу стоять между опасностью и теми, кто мне дорог.

«Не прятаться за чужой волей», — снова подумал я. — «А самому выбирать».

И вдруг мне стало ясно: авантюризм — это не про то, чтобы быть самым сильным или самым смелым. Это про то, чтобы каждый день делать выбор, зная, что он может стоить тебе жизни. Про то, чтобы идти туда, где страшно, потому что там нужна твоя помощь. Про то, чтобы держать меч не для того, чтобы махать им, а для того, чтобы не дать злу пройти дальше.

Может быть, именно поэтому Гильдия брала взнос в сто люменов. Не для того, чтобы отсеять бедных, а чтобы отсеять тех, кто не понимает, что авантюризм — это ответственность. Каждый шаг, каждый удар, каждое решение — это риск. И если ты не готов к этому, лучше остаться на кухне.

Но я уже не хотел оставаться только на кухне. Я хотел уметь больше. Хотел быть готовым.

Я встал, подошёл к мечу, осторожно провёл пальцем по гладкой коже рукояти. Металл чуть охлаждал кожу, но в этом холоде не было угрозы — скорее, обещание силы, которая ждёт, когда её примут.

— Я не буду прятаться, — тихо прошептал я, будто меч мог меня услышать. — Я научусь владеть тобой. Научусь владеть собой. И тогда... тогда я пойду туда, куда должен.

За окном город уже затихал. Фонари горели тёплыми жёлтыми пятнами, как маленькие островки света в темноте. Гдето далеко, в центре Эфириуса, в Гильдии Авантюристов, уже готовили испытание. Оно ждало тех, кто готов рискнуть всем.

И я чувствовал, что готов. Не полностью, не до конца — но готов учиться, готов ошибаться, готов вставать после падений. Готов быть не просто «Вихрем», который носится по улицам, а авантюристом, который несёт ответственность за свой путь.

С этими мыслями я лёг обратно, укрылся тонким одеялом и закрыл глаза. Сон не шёл сразу, но в груди было что-то новое — не страх, а решимость. И это чувство было таким непривычным, что я долго лежал, прислушиваясь к нему, будто боялся, что оно исчезнет, если я пошевелюсь.

«Первый том заканчивается не там, где заканчиваются страницы, — вдруг подумалось мне. — Он заканчивается там, где ты решаешь: прятаться дальше или выйти навстречу буре».

И я выбрал бурю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.